

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Макс MAX

ГОЛУБАЯ ЛУНА

Она берет судьбу в свои руки

Современный фантастический боевик (АСТ)

Макс Мах
Голубая луна

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Голубая луна / М. Мах — «Издательство АСТ»,
2020 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-135487-9

Герда ди Чента очень умная и красивая девушка. А еще она могущественная темная волшебница, о чем даже сама не подозревает. Она не отличается щепетильностью, злопамятна и мстительна, но при этом готова ответить добром на добро, дружбой на дружбу и любовью на любовь. Однако жизнь никогда не была к ней добра, и люди, встречающиеся на ее пути, по большей части не заслуживают доброго к себе отношения. Ненависть и предательство идут по ее стопам. Враги и обиды множатся, и тьма все глубже прорастает в душе Герды.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135487-9

© Мах М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Макс Мах

Голубая луна

© Макс Мах, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предупреждение

Следует иметь в виду, что география и история мира, описанного в данной книге, антинаучны. Все имена и географические названия случайны и антиисторичны. Все совпадения с реальными историческими личностями и подлинной историей человечества случайны, а магии не существует.

Черная луна – второе новолуние в одном календарном месяце.

Голубой луной называется второе полнолуние, приходящееся на один календарный месяц.

Глава 1

Герда ди Чента

1

Оказавшись у разбитого корыта, Герда недолго предавалась отчаянию. Буквально пять или шесть дней. Однако затем, вволю поплавав, от души пожалев себя невезучую и выпив едва ли не бочку кислого лассарского вина, она все-таки вынырнула из глубин своего отчаяния и поняла, что рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом попросту глупо. С какой стати она должна страдать?! Ей, молодой и красивой женщине, следует жить и радоваться, предаваться излишествам, потакать своим слабостям и наслаждаться каждым мгновением быстротекущей жизни. Страдать должны другие, те, кто обижал ее и унижал, преследовал и пытался убить. И они свое получают. Пусть не сразу, не сейчас, а когда-нибудь потом, – в том будущем, которое еще предстоит построить, – но Герда умеет ждать, и она дожидается своего звездного часа. Однако для того, чтобы возмездие настигло виновников всех ее несчастий, для начала ей самой следовало проявить твердость духа и взять наконец судьбу в свои руки.

С этими мыслями Герда вышла из гостиницы «Петух и море» и отправилась на Маячную набережную. Дойдя до памятного ей дома, она постучала дверным молотком по бронзовому солнцу. Ждать долго не пришлось. Вскоре дверь отворилась и на пороге возникла та же самая служанка, которая встретила здесь Герду три года назад.

– Здравствуйте, сударыня, чем могу быть вам полезна? – Служанка ее не узнала, и немудрено, глядя в зеркало, себя сегодняшнюю Герда иной раз и сама узнавала с трудом.

– Скажи, милая, – улыбнулась она служанке, – дома ли госпожа дела Скальца?

– Да, она дома, – к облегчению Герды сообщила девушка. – Что прикажете доложить?

– Скажи госпоже, что к ней с визитом Ариана Нат. Она должна меня помнить.

– Прошу вас, – пригласила Герду служанка. – Проходите, госпожа Нат. Садитесь, – указала она на кресла и диваны, расставленные в фойе. – Я тотчас доложу хозяйке.

Герда вошла в дом и села в предложенное ей кресло, но долго ждать не пришлось и на этот раз. Имя, названное посетительницей, заставило тетушку Белону едва ли не бегом бежать.

– Вы назвали имя, – остановилась она перед Гердой. – Откуда вы его знаете?

Белона не изменилась, оставшись все такой же моложавой и красивой, и такой же мелкой.

– Тетушка, – улыбнулась Герда, – неужели не узнаешь?

– Такое возможно, только если у тебя очень сильный дар, – возразила Белона. – А у моей племянницы дар слабый.

– Та колдунья ошиблась, – отмахнулась Герда, не собиравшаяся рассказывать всем и каждому, что с ней произошло на самом деле. – Она ведь даже мою основную стихию определить не смогла.

– Что-нибудь еще? – подозрительно прищурилась Белона, и пошло. Хозяйка дома задавала вопросы, Герда отвечала и, в конце концов, смогла доказать, что она та самая Герда, что пришла просить помощи три года назад.

– Значит, ты закончила Коллегиум? – спросила Белона, когда они уже уселись пить кофе.

– Нет, – криво усмехнулась Герда. – Меня оттуда выгнали.

– Где же ты была все это время?

– Легче сказать, где я не была! – Герда решила не открывать тетке все подробности своих приключений. Зачем ей это? Многие знания, как говорится, многие печали. – Одним словом, путешествовала.

– А теперь?

– Теперь хочу осесть где-нибудь в Ароне и какое-то время пожить в тишине и покое.

– Хочешь остаться в Горанде? – удивилась тетка.

– Да.

– А это не опасно? – Белона задала правильный вопрос, но и ответ на него был более чем очевиден.

– Уже нет, – грустно усмехнулась в ответ Герда. – Во-первых, ту девушку, какой я была когда-то, давно перестали искать, к тому же я нынешняя на нее совсем не похожа. Впрочем, пусть приходят, теперь я вполне могу за себя постоять.

– Это я уже поняла, – не без удивления во взгляде констатировала Белона. – А замуж?

– Пока не хочется, – отмахнулась Герда и наконец задала вопрос о том, ради чего, на самом деле, и пришла сегодня к тетушке Белоне: – Моя шкатулка цела?

– А что ей сделается? – удивилась вопросу тетка. – Мне чужого, деточка, не надо. Своего хватает. Обожди минуту, сейчас принесу.

И вот через пять минут на столе перед Гердой стоял тот самый деревянный ящичек, в котором она оставила свои сокровища. Ну, и сами «сокровища» тоже оказались на месте.

«Четыреста флоринов! Да еще сотня от щедрот графа де Валена и своих россыпью сотни полторы...» – Это были большие деньги для того, кто ставит перед собой «маленькие» цели. А у Герды они и в самом деле были совсем небольшие.

– Скажите, тетушка, вы не знаете случайно, как бы мне снять небольшой домик в тихом спокойном месте?

– С прислугой?

– Одной женщины будет довольно. Мне надо только, чтобы готовила и прибирала, ну и не лезла в мои дела.

– Это можно, – кивнула Белона. – Дай мне пару дней, и я тебе что-нибудь найду. Ты где остановилась? Не хочешь переехать пока ко мне?

– Нет, спасибо! – поблагодарила Герда. – Я живу тут недалеко, в гостинице «Петух и море». Меня там пока все устраивает.

– Ну, как знаешь. Я дам тебе знать, как только найду что-нибудь подходящее.

– Ох! – сказала Белона через мгновение. – Совсем забыла! Мойра вернулась. Уже два года, как снова живет в Ароне. Хочешь с ней познакомиться?

«Мойра де Орфей? Старшая сестра Александры-Валерии? – встрепенулась Герда. – Конечно хочу!»

– Буду рада, – изображая полную безмятежность, сказала она вслух.

– Тогда я, пожалуй, пошлю к ней мальчика, – разумеется, младшая тетка ничего не заметила и продолжила разговор в том же благожелательном ключе, – и, если у Мойры нет других планов, вечером поедem к ней вместе. Карета у меня есть...

* * *

Мойра де Орфей была совсем не похожа на свою младшую сестру. На среднюю, впрочем, тоже. Высокая, статная, но уже немного отяжелевшая, она была хороша собой, хотя красавицей Герда ее не назвала бы. И еще она была рыжей и зеленоглазой. Совсем другой тип, чем у обеих ее младших сестер.

– Хм, – сказала она, оглядев Герду с ног до головы, – красавица! В Коллегиуме, верно, тяжело пришлось?

Похоже, в отличие от своей младшей сестры, Мойра знала о Коллегиуме не только хорошее.

– За это меня оттуда и выгнали, – пожала плечами Герда. – Пришлось одного умника кастрировать, остальные сами с ума сошли.

– Говорила я тебе, – обернулась Мойра к сестре, – не подходящее это место для нашей девочки! Ну, куда ты, Бел, торопилась? Дождались бы меня. Ты же не знала, что там и как. Вполне могла девочку погубить.

«Так и есть, – мысленно согласилась с ней Герда. – Все могло кончиться гораздо хуже. Но Белона дура, что с нее возьмешь. А вот где была ты, тетушка Мойра?»

– Я не пропала, – никак не выказывая своих чувств, сказала она вслух.

– Вижу. Вино, кофе, чай?

– Я бы выпила немного вина, – призналась Герда, которой от знакомства со старшей теткой стало муторно на душе. Да и Другая Она, вдруг появившаяся в гостиной, где Мойра принимала их с Белоной, тоже была не в восторге от этой женщины. Белона, конечно, дура, но Мойра не лучше.

– Значит, пьем вино, – решила хозяйка и кивком отправила одну из своих служанок выполнять «заказ».

– Мойра, – воспользовавшись моментом, спросила Герда. – Вы ведь в курсе того, что произошло с моей мамой?

– Про убийство не скажу, – покачала головой женщина, – а вот предысторию я действительно знаю.

– Про убийство я как раз все выяснила, но вот как она попала в Эринор и все остальное... Не могли бы вы мне об этом рассказать?

– Да, нечего рассказывать на самом деле, – вздохнула Мойра. – Брак был договорной. Наш отец сосватал Александру-Валерию за Корнелиуса Гемму, когда она была еще ребенком. Договор заключался с отцом Корнелиуса, а не с ним самим. Потом Сандрин подросла и поехала в Эринор. А в Эриноре... В общем, ты, Герда, девочка уже взрослая и кое-что в жизни видела, так что скажу без обиняков. Корнелиус хотел выслужиться перед королем и подложил под него собственную жену. Дело, на самом деле, нередкое. Многие через это сделали карьеру, и мнение женщины в этом случае никто не спрашивает, тем более если речь идет о короле. Так Сандрин стала любовницей Георга, а ее муженек за это получил баронский титул. Возможно, будь эта связь короткой, на том бы все и закончилось. Но король увлекся Сандрин по-настоящему и отпускать ее от себя не желал. История затянулась, и Корнелиус оказался в неприятном положении официального рогоносца. А Сандрин ему, естественно, мстила, открыто появлялась с королем на балах и охотах и вела себя соответственно. Одним словом, фаворитка. Ни прибавить, ни убавить. И, в конце концов, Корнелиус возмутился. Он, сукин кот, уже забыл, что сам продал королю молодую жену. Ненавидел ее, шпынял, хотя и втихую, – боялся королевского гнева, – завел себе другую, которая родила ему дочь, а тут ко всем делам ты объявилась. Корнелиус рассвирепел. Королева тоже испугалась. Она как раз была на сносях, и вдруг ты. Но король отказываться от Александры-Валерии не стал. Продолжал блудить. Однако позже, когда ты уже родилась, что-то между ними произошло, я имею в виду между Георгом и Сандрин. Что-то скверное, в чем твоя мать упрекала саму себя. Написала мне письмо, но ничего в нем толком не объяснила.

– О! – воскликнула Мойра, немного помолчав, словно припоминая что-то позабытое за суетой. – Точно! Как я могла забыть! Подождите-ка меня, дамы, я мигом!

Оказалось, что эта «милая женщина» забыла не только о письме, полученном от Александры-Валерии семнадцать лет назад, она умудрилась забыть и о том, что после смерти сестры у нее появились некие родственные обязательства перед оставшейся в Эриноре Гердой. На самом деле, этой женщине – сейчас Герда видела это отчетливо – ни до кого не было дела. Она жила для себя, занималась исключительно своими делами и предпочитала быть «хорошей сестрой» только на расстоянии. Поэтому, зная предысторию и получив из Эринора с оказией

шкатулку, запечатанную сургучными печатями, и письмо, ставшее для Александры-Валерии прощальным, она быстро забыла и о посылке, и о том, что писала ей сестра в своем последнем письме.

«Кажется, я совершила самую большую глупость в своей жизни, – писала она Мойре. – Но, возможно, это было лучшее, что я сделала для своей дочери. Бог рассудит.

Мойра, я применила колдовство. Не удивляйся, не знаю даже, как у меня получилось. Как могло получиться. Но я точно знаю, что применила колдовство, потому что без вмешательства магии такое не объяснить. Оно само как-то случилось... Впрочем, жалеть теперь поздно: дело сделано, и ничего уже не изменить. Сбереги шкатулку и передай ее Герде, когда подрастет... Если со мной что-то случится, позаботься о ней...»

«Позаботилась, – грустно вздохнула Герда, представив, какой могла стать ее жизнь, если бы эта сука Мойра забрала ее тогда из Эринора. – Я могла вырасти нормальным человеком, в нормальном доме...»

Впрочем, дом эгоцентричной и холодноватой Мойры вряд ли можно было назвать подходящим местом для маленькой девочки. Однако даже такое детство было бы во сто крат лучше того, что произошло на самом деле. Тем не менее и это альтернативное прошлое – третье, четвертое или даже пятое из возможных – так и осталось нереализованным. И все случилось в жизни Герды так, как случилось.

– Спасибо, – сказала она вслух, принимая от Мойры завернутую в белый платок шкатулку.

– Не за что! – лучезарно улыбнулась тетушка. – Проверь! Все печати на месте. Я ее не открывала.

Что ж, она была по-своему хорошим человеком. Во всяком случае, так о себе думала. Чужого ей не надо, и она не тронула шкатулку, которая предназначалась не ей, а племяннице. То, что Мойра палец о палец не ударила, чтобы помочь сироте, это уже совсем другая история, и, судя по всему, никакого раскаяния по этому поводу женщина не испытывала.

Герда развернула платок, взглянула на по-прежнему запечатанную сургучными печатями шкатулку и обомлела. Эту шкатулку не раз и не два она видела в своих «странных» снах. Не в тех, где появлялась ее мать, Другая Герда или Неистовая богиня. В других. Но зато так часто, что считала это своим «личным» повторяющимся сном. Поэтому сейчас она не стала открывать ларец в присутствии своих тетушек. Если Мойра ее не открывала, пусть все так и остается. То, что лежит внутри, предназначено одной ей. Так тому и быть...

2

Итак, это была уже вторая шкатулка, приснившаяся Герде. В первой лежали дневник, письма и миниатюра, на которой был изображен молодой король Георг. Все эти вещи уже снова вернулись к своей хозяйке, дождавшись ее в доме тетушки Белоны. Теперь Герде предстояло открыть вторую шкатулку, и один бог знает, каким окажется ее содержимое. Открывать ларец было страшно, но однажды это все равно пришлось бы сделать! Герда глубоко вздохнула, выдохнула и, уже не колеблясь, сорвала печати и открыла небольшую шкатулку из слоновой кости. Внутри лежали тонкое золотое кольцо, завернутое в шелковый платок с монограммой ее матери, сердоликовый кулон со знакомой уже Герде монограммой короля Георга Эринорского и два свернутых в трубку пергамента. Один был обвит расшитой золотом лентой пунцового шелка, второй – перевязан ажурной золотой цепочкой, на которой был подвешен кулон. Странное чувство нерешительности охватило Герду, когда она увидела эти документы. Наверное, с

минуту или около того она не решалась взять их в руки и развернуть, а потом еще столько же времени потребовалось ей, чтобы решить, с какого свитка начать.

В результате начала она с того пергамента, который был перевязан шелковой лентой. К удивлению Герды, это оказалось написанное и заверенное городским нотариусом Эринора Николаем Цвиргом свидетельство о рождении у баронессы Александры-Валерии Геммы дочери *«Герардины Аделаиды ди Чента, так же известной как Герда Гемма»*. В этом документе была указана дата рождения, согласно Индикту¹ и Григорианскому календарю, перечислены свидетели – их было трое, и все они подтвердили истинность документа своими подписями, – приведена копия записи, сделанной в день крещения в церковной книге, акт крещения подтверждался подписью настоятеля собора Всех Святых, и наконец подробно описаны особые приметы девочки, а именно две родинки: звездообразная на левом плече и идеально круглая под правой лопаткой. Сказать по правде, это было самое странное свидетельство о рождении, какое только можно вообразить. И поскольку Герда уже знала, чья она дочь, от тщательности, с которой было задокументировано ее рождение, бросало в холодную дрожь. Но это были всего лишь цветочки, ягодки начались позже, потому что пергамент, перевязанный ажурной золотой цепочкой, оказался и вовсе документом страшной разрушительной силы. В своем ордонансе², заверенном личной подписью и печатью монарха, король Георг Эринорский объявлял Герардину (Герду) Аделаиду ди Чента, дочь баронессы Александры-Валерии Гемма, урожденной ди Чента, своей *признанной и узаконенной*³ внебрачной дочерью. Документ также включал описание особых примет девочки и был заверен подписями и печатями городского нотариуса и королевского духовника.

«Значит, я все-таки принцесса! И совсем даже не ублюдок! Признанная принцесса! Узаконенная! Ой!...»

Радость как поднялась, так и исчезла. Этот пергамент многое объяснял, но одновременно представлял собой нешуточную угрозу. Именно его, как теперь понимала Герда, искали в вещах ее матери, а позже в ее собственных вещах. Как вообще смогла ее мать добиться от короля признания и узаконивания внебрачного ребенка? Вероятнее всего, именно так, как и написала в письме к своей сестре, с помощью магии.

Колдовские способности имелись у всех трех сестер ди Чента, но Александра-Валерия, по словам Мойры, никогда этим всерьез не интересовалась и дар свой не развивала. Тем не менее он у нее был. Теперь Герда понимала, как случилось, что платья и белье ее матери не трогали ни насекомые, ни мыши. Моль на него не садилась, и даже пыль ложилась тонким, легко сдуваемым слоем. Магия. Все вещи матери были буквально пронизаны токами довольно сильной магии, которую Александра-Валерия попросту не замечала, колдуя, не задумываясь, интуитивно, не ведая, что творит. Однако потенциал у нее, по всей видимости, был немалый. И однажды, испугавшись за будущее своей дочери, она, по-видимому, дала волю чувствам и силой своего колдовства заставила Георга подписать документ, о чем он, очнувшись от чар, скорее всего, сразу же пожалел. Однако случившаяся вскоре гибель Александры-Валерии не позволила ему договориться с ней миром или заставить уничтожить «акт признания» угрозами или даже грубой силой. Вот он и разыскивал потом утраченный с ее смертью документ.

Приказ убить Герду тоже получал теперь свое непротиворечивое объяснение. Согласно королевскому ордонансу при определенных обстоятельствах *«принцесса крови Герда ди Чента»* могла бы претендовать на корону Эринора по праву старшинства, а это чревато не

¹ Индикт – Юлианский календарь (старый стиль).

² Ордонансы – королевские указы во Франции и Англии, имевшие силу государственных законов.

³ Узаконенный – родитель этого бастарда не только признал его своей кровью, но и добился от монарха королевского указа на признание. В таком случае незаконнорожденный берет настоящую фамилию родителя, его герб и встраивается в очередь наследования согласно своему возрасту. Соответственно, если сам монарх признает свою дочь, то ему не нужно ничье разрешение.

только семейным скандалом, но и серьезными политическими рисками, чего король Георг не мог не понимать. Но этот же факт превращал Герду из никому не известной и неинтересной персоны сомнительного происхождения в серьезную политическую фигуру на мировой шахматной доске.

«А ведь это та самая игра, которая стоит свеч!» – вдруг поняла Герда, и, более того, сейчас она уже знала, что и как будет делать в дебюте этой игры, окончание которой терялось в дымке отдаленного будущего.

Следующие ходы этой захватывающей дух шахматной партии носили весьма драматичный, но в то же время вполне предсказуемый характер.

Первым делом Герда съездила в Рону – столицу княжества Горанд. Четыре дня пути в карете в одну сторону стоили того, потому что в Роне, в одной из старейших и наиболее уважаемых адвокатских контор цивилизованного мира – «Бодольё и Ренци» – на основе представленных Гердой документов и освидетельствования ее двумя вызванными по такому случаю медикусами, были составлены два документа. Первый подтверждал, что дама Герда ди Чента является дочерью Александры-Валерии ди Чента баронессы Гемма, дочери славного горандского негодянта Уно ди Чента из Ароны. Ее происхождение подтверждали свидетельские показания двух ее родных теток – Белоны дела Скальца и Мойры де Орфей. Этот документ был нужен для того, чтобы получить в столичной ратуше подорожную на имя дамы Герды ди Чента. Но этот же документ вместе с другими свидетельствами, включая не только официальные бумаги, но и личные письма ее матери, дневниковые записи Александры-Валерии, кулон с монограммой и масляную миниатюру на слоновой кости, изображающую короля Георга Эринорского в молодости и надписанную на обороте «*Любимой А-В*», лег в основу другого документа, в котором Герда ди Чента признавалась родной (должным образом признанной и узаконенной) дочерью короля Георга Эринорского, то есть ее светлостью принцессой Эринора Герардиной.

Но и это еще не все. Уважаемые правоведа от лица своей нанимательницы обратились в гербовое управление герцогства Горанд и лично к герцогу Горанда Константину с «нижайшей просьбой даровать принцессе, находящейся в данный момент в эмиграции, право именоваться эдле Герда ди Чента».

Вся эта операция стоила Герде ста золотых империялов при условии, что герцог Константин дарует ей право именоваться «эдле». Все-таки иногда титул играет весьма важную роль, а называться во всеуслышание принцессой Герда побаивалась. Поэтому только эдле. Однако результат обращения превзошел все ее ожидания. Исходя из собственных никак не озвученных соображений, герцог даровал Герде ненаследственное право именоваться виконтессой ди Чента. Но в гости, что характерно, не пригласил. «Дистанцировался», так сказать. Однако Герде от него нужно было другое. И она это другое – получила. Соответствующие поправки были внесены и в выданную ей ранее подорожную.

Вторым ходом Герды стало нахождение надежного хранилища для всех исходных документов и материалов. Таковое нашлось в банкирском доме «Объединенный капитал» в Ароне. За десять золотых в год банк принял на хранение опечатанную шкатулку со всем, что Герда сочла нужным спрятать там до времени. На всякий случай она оплатила хранилище на десять лет вперед, чтобы иметь возможность свободно путешествовать по миру, а она этим собиралась заняться, хотя и несколько позже.

Теперь настало время по-новому организовать свою уже в третий раз не задавшуюся жизнь. Герда сняла небольшой чистенький домик, прячущийся в разросшемся фруктово-м саду. Наняла служанку «за все» и притворилась, что ее нигде не было и нет. Это была неприметная жизнь никому не известной молодой женщины, проводящей свои дни в занятиях и прогулках. А занималась Герда среди прочего изучением украденных у герцога Сагана книг. И вот там – в одной из них – она нашла первые ответы на интересующие ее вопросы.

Оказывается, среди природных колдунов время от времени появляются носители совсем другого Дара. Принято считать, что все они являются потомками исчезнувших в истории древних родов, так называемых первородных колдунов. Другими словами, речь шла о совершенно иной, давно забытой магической традиции, берущей свое начало в магии перволюдей, которым, судя по смутному преданию, это искусство передали сами боги. Письменная составляющая этой традиции – книги, описания, техники – практически полностью утрачена, но сам дар – способность творить колдовство *«силой разума»* и *«страстью сердца»* – сохранился.

Кроме того, в одном из отрывков, сохранившихся от более древних рукописей, говорилось о том, что к носителям древнего дара равнодушны даже боги «малого пантеона», которых христиане почитают ангелами и демонами, а в другом отрывке указывалось на то, что кое-где в мире сохранились «места власти», созданные в незапамятные времена могучими колдунами перволюдей, и что носители древнего дара получают в таких местах особый приток сил. Правда, в чем заключается эта «особость», написано не было, но зато имелось указание на то, что именно там, в «местах власти», носители Дара раскрывают обычно свои способности.

Впрочем, все это было одной лишь историей и теорией, тогда как формулы колдовства и техники применения этих арканов и гримуаров, описанные, по крайней мере, в двух из трех доставшихся Герде книг, имели практическую ценность. Овладением этими техниками и разучиванием формул Герда как раз и занималась. Что же касается прогулок, то сначала она гуляла пешком, проходя в иные дни по три-четыре мили. Но затем приобрела симпатичную лошадку палевой масти, которую держала в находящейся поблизости частной конюшне, и тогда начала совершать уже верхом дальние «экспедиции» в окружающие город с севера и запада леса и горы. Там – вдали от посторонних глаз – она тренировалась с мечом и кинжалами, метала ножи и практиковалась в новых магических приемах, почерпнутых из книг. И дела у нее в этом смысле шли совсем неплохо. Во всяком случае, Герда видела в своих попытках колдовать очевидный прогресс.

Так продолжалось несколько месяцев подряд, пока однажды, заглянув в очередной раз в гостиницу «Петух и море», Герда не получила весточку от княгини де Ла Тремуи. Письмо пришло с оказией всего за два дня до того, как Герда выбралась «проверить почту». Шарлотта писала, что скучает по *«своей дорогой Аниз»*, но деспотичный брат не позволяет ей даже с кем-либо переписываться без того, чтобы читать ее письма. А поскольку общение с Гердой ей строжайше запрещено, *как способное запятнать ее репутацию*, то возможность послать письмо возникла только теперь, когда образовалась удачная, но, главное, надежная оказия.

Далее она сообщала все свои новости, которые сводились к тому, что, по-видимому, император приблизил ее лишь с одной целью. Ему нужна была подходящая невеста для кого-то из своих союзников. Так что, скорее всего, вскоре ей предстоит новое долгое путешествие в одну из далеких стран. Но нет худа без добра. Перебравшись на новое место, Шарлотта станет королевой или женой наследного принца и, скорее всего, обретет определенную свободу действий. Во всяком случае, будущий супруг вряд ли станет возражать, если она захочет забрать к себе свою названую сестру.

Это письмо растрогало Герду до слез. В последнее время она редко плакала, если плакала вообще. Ее глаза оставались сухими даже тогда, когда обида выжигала душу, но сейчас, читая эти написанные в спешке строки, Герда заплакала. Каро оказалась едва ли не единственным человеком в мире, кому она была небезразлична. Единственной, кому было дело до Аниз даже при том, что княгиня давно уже знала, что никакой Агнессы де Фиен в природе не существует. Но ей, – как, возможно, и князю Ивану, – было неважно, как Герду зовут на самом деле, дворянка ли она или простолюдинка, и как прожила предшествующие знакомству годы. Ей важен был сам человек, та молодая женщина, с которой Шарлотта сблизилась так стремительно и так бесповоротно.

Герда перечитала письмо подруги несколько раз и тут же написала ответ. Рассказала, впрочем, без подробностей, о том, как теперь живет. Успокоила относительно того, что ей, возможно, не хватает денег. Поблагодарила за то, что Каро ее не забывает, искренно уверила в своей любви и дружбе и обещала обязательно приехать к Шарлотте, когда и если это станет возможным. И по дороге в порт, куда она направилась на следующий день прямо с утра, Герда все время думала о Шарлотте. Но не только. Мысли о Каро неожиданным образом оживили воспоминания о князе Иване, и Герда вдруг подумала, что теперь, когда по большому счету у нее ни перед кем не осталось невыполненных обязательств, она вполне может ответить на сделанное ей предложение и поехать в Гардарику.

«Теперь не стыдно», – улыбнулась она мечтательно.

Справедливое замечание, ведь у Герды снова появилось настоящее имя, и при том не лишь бы какое!

«Как он сказал? – вспомнила она их последний разговор. – Принцессой быть весело? Возможно, так и есть, так отчего бы не проверить?»

Возможно, судьба услышала ее мысли. Передав имперскому купцу письмо для Шарлотты, Герда пошла прогуляться вдоль портовых причалов и неожиданно обнаружила стоящий у Старого мола торговый корабль из той самой Гардарики, о которой ей рассказывал князь. Герда подошла к сходням, окликнула какого-то матроса, драившего по случаю палубу, но он, увы, не говорил ни на одном из известных ей языков. Однако на горанде, как вскоре выяснилось, неплохо изъяснялся корабельный навигатор, которого матрос вызвал к трапу. Герда спросила, куда направится это судно из Ароны, и получила в ответ длинную роспись портов, в которые будут заходить москвиты по дороге домой – в порт Петров, что в Варяжском море.

– Когда вы выходите? – спросила тогда Герда, почувствовав приход настоящего вдохновения.

– Да завтра и отплываем.

– Сколько времени занимает дорога до Петрова? – полюбопытствовала Герда, начиная просчитывать свои следующие шаги.

– Как получится, – пожал плечами корабельщик. – Если не будет штилей и противных ветров, месяца за два дойдем. А если заштормит, может взять и все три.

«Что ж, это судьба, – решила Герда, возвращаясь домой. – И я буду дурой, если не прислушаюсь к ее голосу».

– Не хочешь дождаться де Валена? – поинтересовалась, возникнув рядом с Гердой, приставучая Другая Она.

– Зачем? – нахмурилась Герда. – Если бы я была ему дорога, взял бы меня в империю или приехал сюда ко мне, а он мне, между прочим, даже письма не прислал. Каро написала, а он – нет!

– Но у него могут быть обстоятельства! – попробовала возразить Другая Герда. – Когда он совершал помолвку, он же не мог знать, что встретит тебя. И потом император...

– Вот пусть и спит со своим императором! – возмутилась Герда. Она была зла на Эмиля и не собиралась ничего ему прощать.

Вопрос был лишь в том, кем ей хочется быть больше: княгиней Полоцкой или королевой Эринора?

«Но, с другой стороны, – рассудила Герда, обдумав возникшую дилемму, – кто сказал, что я не могу совместить оба титула?»

Придя домой, Герда взяла четвертушку пергаментного листа и написала черной тушью короткую записку:

«Здравствуйте, Иван! – написала Герда. – Вы спрашивали, как мое имя, и почти угадали. Я Герда ди Чента. Дворянка, если это все-таки имеет для вас значение. Я обдумала ваше предложение и, если оно все еще остается в силе, готова приехать к вам в Новгород. Прошу вас, не рассматривайте то мое приглашение в качестве обязательства. Точно так же мое письмо к вам не крик отчаяния и ни в коем случае не просьба о помощи. Если надумаете ответить, посылайте письмо в герцогство Горанд, в город Арона, в гостиницу "Петух и море". С неременной симпатией, Герда ди Чента».

Запечатав письмо перстнем-печаткой, который она заказала в свое время вместе с сапфировым гарнитуром, а заодно и перстнем самого князя Ивана, она снова отправилась в порт и, вызвав капитана московитов, показала ему княжеский перстень и передала письмо с просьбой доставить его адресату в Новгород.

На следующий день корабль ушел в плавание, а Герда вернулась к своим неспешным делам.

3

Ах, какое это было прекрасное время! Герда жила безмятежной жизнью человека, которому никуда не надо спешить. Но медленное течение жизни не убаюкивало ее. Напротив, оно позволяло перевести дыхание, оглядеться по сторонам, разобраться в себе и принять важные решения. Этим она и занималась, а еще она наняла себе учителя, принадлежащего к местной школе так называемого морского фехтования⁴. Он учил ее драться мечом и палашом особой конструкции, а также, что естественно, ножевому бою. Кроме того, она наконец научилась плавать и, поскольку на дворе стояло жаркое лето, уезжала в погожие дни в уединенную бухту на побережье вблизи Ароны и плавала там в свое удовольствие в естественном наряде Евы, лишь опоясавшись ремешком с закрепленным на нем кинжалом. Без оружия она теперь никуда не ходила и ничего не делала. В остальное время она гуляла или выезжала на конные прогулки, читала книги, учила – на всякий случай – новгородский говор, именовавшийся *русской речью*, и упражнялась в магии. Колдовство давалось ей все проще, а арканы получались все сложнее. По ее субъективным прикидкам, сейчас Герда была уже искуснее выпускников трижды проклятого Коллегиума, но на достигнутом не остановилась, а продолжала упорно трудиться, медленно, но верно продвигаясь вперед.

Примерно через месяц после первого до Герды добралось второе письмо Шарлотты, а еще через полтора – третье. Пришло наконец письмо и от Эмиля. Граф де Вален *искренне печалился*, что по-прежнему не может приехать в Арону, но обещал со следующей okazji прислать Герде денег.

«Жмот!» – констатировала она и отвечать на это письмо не стала, тем более что у нее неожиданно появилась чудесная идея, как скоротать время в ожидании ответа от князя Ивана и при том не потерять его впустую.

Арона – город старый. Пожалуй, даже древний. Поэтому в нем сохранилось довольно много материальных свидетельств прошедших веков, в том числе и таких, которые напоминали о временах, когда и в помине не было еще никакого Великого герцогства Горанд или королевства Эринор, а существовали совсем другие империи, царства и княжества. И вот однажды – дело было как раз за несколько дней до того, как пришли письма от Шарлотты и Эмиля – Герда зашла на вечернюю службу в маленькую церквушку совсем недалеко от своего нового дома. А вот когда выходила на улицу, увидела неподалеку от церкви большой старый дом и

⁴ Нечто вроде генуэзской школы фехтования генуэзскими абордажным мечом, корабельным палашом и специальными ножами для метания и боя.

неожиданно для себя самой поняла, что построен он на руинах языческого храма из камней, взятых из того же древнего сооружения.

Однако храмы, как было известно Герде еще со времен обучения в Коллегиуме, – если, разумеется, это настоящие святилища, – будучи однажды построены, никуда уже не исчезают, даже если лежат в руинах. Пока камни, из которых были сложены его стены, остаются на месте, храм продолжает оставаться тем, что он есть – местом, где голос человека возносится к ушам бога. Памятуя об этом, ночью Герда вернулась к замеченному ею дому, подобралась к нему с той стороны, где, согласно ее расчетам, находился алтарь, и приступила к делу.

На ее счастье, эта часть дома выходила в запущенный сад, огороженный полуразвалившейся каменной оградой. Перебравшись через нее, Герда оказалась в таком месте, где ее было не видно ни из дома, ни с улицы. Вот это была удача так удача. Она засветила «колдовской фонарь» – это была новая магия, освоенная ею совсем недавно, – и при его свете нарисовала на земле пентаграмму, вписанную в круг. Насыпала вдоль линий геометремы «выпаренную соль», тонко промолотый белый кварцевый песок и угольную пыль. Поставила в вершины пентаграммы и зажгла свечи красного воска и, наконец, установила в центр фигуры алтарь – широкую керамическую плочку. Затем она положила на жертвенник три золотые и три серебряные монеты, красный алмаз, рубин и сапфир, безжалостно вынутые из ее же украшений, голубя, которому свернула шею прямо над алтарем, кусок белого хлеба, маленькую головку сыра и, завершая ритуал, разрежала навахой ладонь и окропила подношение своей кровью. После этого она закрыла глаза и представила, как по невидимой лестнице сходит к ней с неба Неистовая богиня.

– Недурно, – сказала великая Темная богиня, приблизившись к Герде. – Давно меня не вызывали к таким вот разрушенным храмам. Кстати, можешь открыть глаза.

Герда открыла глаза и посмотрела на величественную красавицу, облаченную в белоснежное платье.

– Спасибо тебе, Неистовая, что снизошла на мой зов!

– Не прибеждайся, – улыбнулась богиня. – Мой ответ – да.

– Что «да»? – не поняла Герда.

– Я разрешаю тебе сходить к тому ручью, – поморщилась богиня. – Нечего тебе побираться! Только глупостей не наделай и не забудь посетить храм Черной луны...

* * *

Идея сходить на «золотую речку» пришла Герде в голову совершенно случайно. То есть не то чтобы раньше она об этом ни разу не подумала, но вероятность того, что ей удастся с этим справиться, представлялась настолько ничтожной, что и начинать не стоило. Однако недаром говорится, что охота пуще неволи. Принцесса – это, конечно, звучит гордо. Громкий титул и все такое... Но ей вдруг отчаянно захотелось разбогатеть, чтобы не ехать в Гардарику бедной родственницей. Поэтому добраться до золота и сапфиров, которые однажды открыла ей Темная богиня, показалось Герде самым верным способом решить разом все свои финансовые проблемы. Ну, а теперь, когда она получила благословение самой Неистойой, предприятие уже не казалось ей ни безнадежным, ни бессмысленным. И кроме того, все оказалось не так страшно, как думалось прежде.

Во-первых, тщательно изучив все доступные карты, – а их в Ароне нашлось довольно много, – Герда обнаружила, что, если двигаться по прямой, то добраться до долины Белогривой можно максимум за три недели. Конечно, идти придется по бездорожью и горным тропам, но все про все должно было занять от полутора до двух месяцев, и это по всем признакам была игра, которая стоила свеч. Но, разумеется, даже колдуны не путешествуют в одиночку, так что имелось в этой затее и некое немаловажное «во-вторых».

Герда все еще не привыкла к тому, что Дар открывает перед ней совсем другие перспективы по сравнению с тем, что может себе позволить обычный, пусть даже наделенный большой властью, человек. Это было похоже на ее бой с ассасинами во владении Каркарон. Вместо того, чтобы применить магию, она воспользовалась тогда сталью и чуть было не протянула ноги, за что ее совершенно справедливо отругала Темная богиня.

Зато сейчас Герда посмотрела на ситуацию под несколько иным углом зрения и сразу же увидела решение возникшей проблемы. Через своего учителя фехтования она нашла шесть крепких бойцов, немало в своей жизни попутешествовавших и хорошо знакомых именно с теми территориями, через которые предстояло идти. Двое из них к тому же сами были горцами и говорили на нескольких диалектах мхара, во всяком случае на его северном и южном наречиях. То есть это были именно те люди, какие ей сейчас требовались. Возникала, правда, проблема доверия. Отправляться в горы с незнакомыми мужчинами было бы более чем опрометчиво. Однако Герда теперь была сильной колдуньей, а способ получить контроль над мало-знакомыми ей людьми она не так давно уже опробовала на служанках, которых предоставила ей Шарлотта. Клятва на крови – это такая вещь, от которой так просто не отмахнешься. Поставленные в ситуацию выбора «жизнь или смерть», – а Герда на этот раз действительно отравила вино, которым угостила своих спутников, – наемники согласились принести ей клятву верности. И, разумеется, принесли, поскольку деваться им все равно было некуда.

А еще через три дня они вышли в дорогу, и, следует признать, это был тот еще квест. Погода стояла отличная, лето – оно и в высокогорном Хаарнахе теплая пора. В долинах было жарко, у кромки льдов – терпимо, но главное, небо было прозрачно, а ночи – коротки. Герда гнала свой отряд без передышки только вперед, впервые в жизни сама задавая темп во всех отношениях безумного похода.

Откуда взялось это лихорадочное желание сходить «туда и обратно» за какие-то жалкие шесть недель, – что-то вроде пресловутого «*Veni, vidi, vici*⁵», – Герда не знала, но чувствовала, что все делает правильно. Поэтому двигались они все светлое время суток, а дни стояли длинные, и даже на самых трудных участках пути ее отряд продвигался на удивление быстро. Где не получалось ехать верхом, вели лошадей в поводу. Ели горячее только ранним утром и поздним вечером: кулеш из муки крупного помола и копченого сала, крутая гороховая каша и ячменная загуста с наструганной в варево вяленой кониной, в крайнем случае ржаные сухари с местной сырокопченой колбасой и горячим чаем. Если получалось добыть дичь, не задерживаясь для этого на месте специально, жарили мясо и варили похлебку, но на границе ледников, куда приходилось забираться, чтобы сократить путь, охотиться было не на кого. Впрочем, один раз крайне удачно поохотилась сама Герда. Перебираясь через ледниковый язык, она «почувствовала» плавное движение где-то впереди слева по ходу движения и, не глядя, швырнула туда «сгусток гнева». С тех пор как в Эриноре Другая Герда сожгла таким манером арбалетчика, покушавшегося на жизнь Шарлотты, у нее этот фокус – сколько ни пробовала – не получился ни разу. А в тот день, даже не задумавшись, бросила огонь метров на двести и, что любопытно, попала с первого раза. Оказалось, под «горячую руку» подвернулся снежный барс. Передняя часть тела и голова зверя сильно обгорели, но мяса все равно осталось достаточно. Другое дело, что варить его пришлось едва ли не всю ночь, и даже после этого оно плохо жевалось и скверно пахло. Тем не менее снежный барс в тот день разнообразил им меню. А уже через сутки они встали биваком у горной реки и наловили форели, так что и ужин, и завтрак получились отменные: уха и печенная на углях рыба были всяко разное лучше жесткого и жилистого мяса хищника.

⁵ *Veni, vidi, vici* – Пришёл, увидел, победил. По сообщению Светония, эту фразу несли перед Цезарем во время его понтийского (третьего из пяти) триумфа в Риме. Этим диктатор отмечал не события войны, как обычно, а быстроту её завершения.

На двенадцатый день пути им повстречался реликтовый скальный медведь. Герда о таких огромных зверях – здесь, в горах, их называли просто «хозяевами» – нигде не читала и не слышала. Кажется, Линней описывал пещерных медведей, но те были не выше десяти футов, а этот монстр – на глаз – достигал пятнадцати-шестнадцати⁶.

«Не дай бог!» – Герда попробовала вызвать гнев, но не тут-то было, волшебство не выходило, а драться с таким гигантом без помощи магии...

Было страшно подумать, чем может закончиться схватка с этим монстром, у которого в горах Хаарнаха – за невозможностью боя на равных – попросту не было естественных врагов. Даже снежные барсы старались не попадаться этим медведям на глаза.

К счастью, стояло лето, и медведям хватало еды, – чем бы он там ни питался на самом деле, – поэтому, наверное, «хозяин» их не тронул. Рыкнул так, что уши заложило, и ушел восвояси.

Вообще, если не считать трудностей пути, которые, если честно, по большей части оставались на совести Герды, путешествие через высокогорные плато, долины и перевалы Центрального Хаарнаха проходило без серьезных осложнений. И это, в первую очередь, касалось местного населения, с которым худо-бедно удавалось найти общий язык. Но Герде и тут повезло. Война племен, бушевавшая в этих краях лет пять-шесть назад, отголоски которой до сих пор чувствовались по ту сторону Великого Водораздела – например, в переполненном беженцами Керуане, – здесь уже почти не ощущалась, тем более когда речь шла о подданных сильных приграничных государств, вроде Горанда или Роана. Поэтому горцы принимали команду Герды пусть и без хваленного хаарнахского гостеприимства, но зато и без вражды. Продавали за деньги необходимые путешественникам припасы – козий сыр, вяленое мясо и местное вино из не слишком хорошо одомашненных сортов винограда, – и не пытались убить, ограбить или захватить их в плен. Впрочем, давало себя знать и то, что Герда совсем неплохо говорила и на северном и на южном диалектах мхара. Горцы относились к ее знаниям с уважением, а уважение в этих местах порой дороже денег.

В эти дни не занятая никаким другим делом, кроме упорного движения через горы, Герда много думала о себе, своей странной жизни и о тех решениях, которые она принимала в тех или иных обстоятельствах. Многие из этих решений не казались ей теперь бесспорными, не говоря уже об этической стороне вопроса. Но вот какое дело. Герда легко признавала ошибочность, импульсивность или даже порочность многих совершенных ею поступков, однако не чувствовала при этом ни сожаления, ни разочарования, ни, тем более, вины. Сделано, потому что в тот момент и в тех обстоятельствах по-другому не получалось. Жалеет ли об этом? Иногда, но не очень сильно. Ощущает ли чувство вины? Нет, и еще раз нет. Ей не за что извиняться. Она никому специально не навредила. Она даже убивала только тех, кто собирался навредить ей самой. Единственной безвинной жертвой в ее одиссее оказался случайно подвернувшийся ей под руку королевский гвардеец в Эриноре. Но и тогда не она ведь вынесла ему смертный приговор. Это сделал ее «дорогой папочка» – король Георг. Так с чего бы ей испытывать угрызения совести еще и по этому поводу? Не она предавала. Предавали ее. Отец, тетки, Коллегиум, генерал-адмирал Мунк, граф де Вален... И ведь это только главные виновники ее бед. Поэтому нет, она ни в чем не раскаивалась и ни о чем не жалела. Даже о том, что, как какой-нибудь сумасброд или алчный стяжатель, отправилась сейчас на поиски сокровищ.

Сокровища нужны были Герде не сами по себе, а как гарантия независимости, как способ доказать любому мужчине, что ее интерес к нему – если таковой действительно возникнет, – ни в коем случае не денежный, не корыстный, не меркантильный. Теперь, когда ей принадлежал громкий титул принцессы крови, финансовая состоятельность являлась тем последним штрихом, которого ей не хватало для того, чтобы стать той, кто может выбирать сам. Не то

⁶ 16 футов – около пяти метров.

чтобы она не делала этого раньше, но там и тогда она решала подобного рода вопросы на свой страх и риск. Так она отказала князю Ивану, предпочтя верность Шарлотте и свою симпатию к де Валену. Но Каро была несостоятельна в силу своих непростых жизненных обстоятельств, а Эмиль Герду попросту разочаровал. Возможно, – и даже скорее всего, – граф поступал так, как стал бы действовать на его месте любой мужчина. У него имелись обязательства, и он не мог их нарушить. А женщина, которую он просил, хотя просьба его имела все признаки приказа, ждать его в Ароне, не казалась Эмилю той, кто не сможет продержаться полгода или год на сто золотых. Сто золотых для простой наемницы, которой он даже не соизволил объясниться в любви, большие деньги. Так что он наверняка считал себя щедрым кавалером. Вот только в глазах самой этой женщины, – о чем де Вален, разумеется, ни разу не подумал, – его поступки не выглядели ни благородными, ни уместными.

И более того, сейчас Герда уже не была уверена, что его «робость и нерешительность» являлись исключительно проявлением духа рыцарственного отношения к даме сердца. Скорее всего, это было следствием слабости его характера и неспособности посмотреть на возникшую ситуацию ее глазами. В этом смысле он проигрывал даже принцу Максимилиану. Тот четко знал, чего хочет, и ясно формулировал границы возможного. Эмиль был другим. Судя по всему, он тоже не собирался на ней жениться, но не хотел, чтобы она об этом знала. Полагал, вероятно, что это не ее ума дело. И это было крайне обидно. Де Вален так и не понял то, что поняли и принц Максимилиан, и князь Иван. Зная о ней гораздо больше, чем оба его соперника, он так и не смог принять того факта, что Герда не похожа на других женщин и что с ней следует вести «диалог» на равных или не вести его вовсе.

Иван в этом смысле проявил себя не только как настоящий мужчина, но и как настоящий любовник. Он объяснился, не оставив открытым ни одного важного вопроса, и сделал предложение, на которое оказались неспособны другие. Поэтому и решение ответить ему согласием, скорее всего, являлось абсолютно верным, в особенности теперь, когда она стала ему ровней. Впрочем, если ехать в далекую Гардарику, чтобы выйти замуж за князя Полоцкого, то не бесприданницей. Нынешняя Герда не собиралась побираться, а значит, ей нужны были деньги. Очень много денег...

* * *

Герде казалось, что она хорошо помнит карту Хаарнаха, не говоря уже о том, что еще с прошлого раза верно запомнила все необходимые ориентиры: вершины наиболее высоких гор и характерные особенности рельефа – горные склоны, долины и ущелья, распадки и направления течения основных рек региона, но каково же было ее удивление, когда, выйдя наконец к Белогривой, она обнаружила, что это не то место, куда она вела свой отряд. То есть место было тоже хорошо знакомое, но другое. Сюда, к подножию горы, на склоне которой лежали руины древнего языческого храма, Герда предполагала прийти на обратном пути, но, похоже, Неистовая решила иначе и вывела их группу напрямик к храму Черной луны. Это меняло планы и заставляло задуматься. Во-первых, о намерениях Темной богини и, во-вторых, о том, что принести ей в жертву сейчас, до того, как она наберет золота и сапфиров в мелкой заводи на безымянном ручье.

Герда приказала встать лагерем примерно там же, где встал год назад на бивак караван, с которым она шла из Конгара в Керуан. Наемники сразу же занялись делом: пока одни из них расседывали коней, снимали с них выюки и вели на водопой, другие собирали хворост, рубили росшие поблизости молодые деревья, разжигали костры и обустривали лагерь.

Пронаблюдав несколько минут за слаженной работой мужчин, Герда стала перебирать свои вещи, чтобы собрать достойное богини подношение. Она сняла с пальцев все золотые кольца, числом три, присовокупила к ним купленный у горцев кривой кинжал с рукоятью

и ножнами, украшенными самоцветами, добавила купленный там же браслет из черненого серебра, ни разу не надеванную в походе шелковую сорочку, золотую заколку для волос с большой голубой жемчужиной и немного денег: две золотые марки и три серебряных гульдена. Подумала минуту, рассматривая собранные вместе сокровища, и решила, что в этот раз никак не обойтись без жертвенной крови. Но если так, то ни арбалет, ни метательные ножи ей в этом не помогут.

– Остается приманить кого-нибудь, – подсказала Другая Она, присаживаясь рядом с Гердой, – и устроить этому кому-то ловушку из подручных средств.

– Вербка есть, – кивнула Герда, – топорик и нож тоже... Я, правда, никогда этого не делала, но принципиальную схему помню. Юэль при мне ставил...

– Тогда, вперед! – улыбнулась Другая Она. – Удачной охоты, дорогая!

– Гуго! – вставая с земли, окликнула Герда командира наемников. – Я уйду. Ходить за мной не надо. Располагайтесь, ужинайте. Можно поохотиться или наловить рыбы. Но вот туда, – указала она на склон, – вам ходу нет. Если не вернусь до утра, начинайте поиски, но не раньше, чем рассветет. Все понятно?

– По вашему слову, госпожа, – вежливо поклонился наемник. – Мы будем ждать вас здесь.

– Отлично! – Герда подняла с земли свой дорожный мешок и топорик и, не оглядываясь, пошла в сторону леса, густо покрывавшего склон горы.

Как ни странно, соорудить ловушку оказалось несложно. У Герды даже хватило ума поставить ее почти у самых руин храма. Ловить она собиралась кого-нибудь вроде косули или горного козла, а эти животные, хоть формально и некрупные, но вряд ли Герда смогла бы отволочь к алтарю такую тушу на своих девичьих плечах. А между тем на этот раз жертвоприношение должно было быть настоящим, с живой кровью, слишком уж много задолжала Герда Темной богине. И не важно, что та у нее ничего не требовала взамен, быть неблагодарной свиньей совершенно не хотелось, тем более что речь шла о Неистойой, назначившей саму себя божественной покровительницей «бедной сиротки».

Итак, ловушка была готова. Оставалось лишь приманить подходящую для заклания жертву. Тут, собственно, и начиналось самое интересное. Технику «приваживания» Герда изучила пока чисто теоретически, а на практике во время тренировок сумела приманить всего лишь пару мышей, голубя и белку. Результаты были нестабильны. Иногда получалось, в другой раз – нет. А сейчас она намеревалась «захватить» довольно крупное животное. Однако с живыми существами ей всегда было непросто. С некоторых пор она научилась их чувствовать на расстоянии, но относилось это исключительно к крупному зверю, на близкой дистанции и в «тихое» время суток, то есть ночью. Сейчас же Герде предстояло «услышать», захватить и привести жертву в ловушку.

Она села неподалеку от построенной ею западни, закрыла глаза и прислушалась. Ночь была полна разнообразных звуков, движения и запахов, однако стоило ей произнести мысленно формулу «открытия», Герда «услышала» ритмы жизни. Сначала это был слитный бессмысленный шум, но затем, после того как она произнесла формулу «упорядочения», в какофонии живых голосов стал возникать порядок, которым Герда могла манипулировать. Она добавила к тем ментальным инструментам, которые уже имелись в ее распоряжении, еще одно оружие и начала «срезать» тональности слой за слоем.

Первыми «замолкли» растения, затем замолчали все мелкие твари – жучки и паучки, и на авансцену вышли «тени» животных, а еще через несколько ударов сердца «тени» начали обретать «плоть». Сегодня все эти ментальные «пасы» давались Герде с необычайной легкостью. Возможно, все дело было в близости храма Черной луны, но так четко она животных не

ощущала еще никогда. Выделить среди них одну-единственную сущность – бесспорно, это была лань, пасшаяся совсем неподалеку, – оказалось проще простого. Оставалось лишь накинуть «аркан» и повести жертву на заклание. Не прошло и нескольких минут, как лань уже билась в силках, а Герда лихорадочно наводила на нее «тяжелый сон». Наконец ей это удалось, и лань рухнула на землю как подкошенная. Она все еще была жива, но ее связь с внешним миром уже прервалась.

«Ну, вот и все!»

Животное было среднего размера. На глаз фунтов пятьдесят – пятьдесят пять⁷, никак не больше. Тяжело вздохнув, Герда подошла к лани и, ухватив ее за переднюю и заднюю ноги, взвалила себе на плечи. Поправила, устраивая груз поудобнее, и пошла к храму Черной луны. Идти было вроде бы недалеко, но вот перебираться через завалы, держа лань на плечах, было совсем непросто, но в конечном счете Герда все-таки добралась до алтарного зала, зажгла «солнце» и, пройдя в глубину зала-пещеры, сбросила свою ношу около жертвенника. Посто-яла, выравнивая дыхание, и приступила к делу. Уложила спящую лань на алтарный камень, сложила рядом с ней все остальные свои подношения и только тогда, встав на колени, начала петь языческую литанию.

К сожалению, она так и не смогла найти где-нибудь древний текст призыва и придумывала сейчас песню буквально на ходу. Но богиня, которая слышала ее призывы и без того, чтобы приносить жертвы в ее главном храме, не чинясь, пришла сейчас к Герде сама. Едва кинжал рассек горло животного и кровь лани полилась на жертвенник, перед Гердой возникла величественная и прекрасная фигура женщины в белом. Неистовая была великолепна и буквально ослепляла своей нечеловеческой красотой. Казалось, она пришла к Герде во плоти, но, возможно, так все, на самом деле, и обстояло, вот только плоть эта была физической эманацией⁸ трансцендентной⁹ сущности божества.

– Здравствуй, Герда, – сказала богиня. – Рада видеть тебя живой и здоровой. И спасибо за подарки.

– Я думала принести тебе больше...

– Я знаю. Не грусти. Твои дары гораздо ценнее того, что ты могла принести из золотой речки.

– Я рада, если так, – Герда склонилась в поклоне, но, выпрямившись, снова посмотрела богине в глаза. Сияние этих глаз заставляло отвести взгляд, но Герда была упорна.

– Скажи, Неистовая, правилен ли мой выбор? – спросила о главном.

– Не знаю, – богиня чуть скривила губы в подобии улыбки. – Это дела смертных, я в них ничего не понимаю. Спроси о другом.

– Я действительно стала сильнее?

– Хороший вопрос, – похвалила ее Неистовая. – Да, ты стала сильнее. Твой Дар раскрывается. Сейчас ты уже сильнее многих из тех, кого в Ордене и в Коллегии почитают за их мощь и называют великими колдунями.

– Так я великая колдунья? – удивилась Герда услышанному от Темной богини.

– Да, если хочешь мерить свою силу их мерками. Нет, потому что ты еще не достигла своей вершины.

– Я понимаю, – поклонилась Герда. – Но ведь должен же быть предел и у моего Дара.

⁷ То есть двадцать – двадцать пять килограммов.

⁸ Эманация – истечение чего-либо откуда-либо, появление чего-либо в результате выделения из чего-либо более сложного; то, что возникло, появилось в результате такого истечения.

⁹ Трансцендентный (от лат. «переступающий, превосходящий, выходящий за пределы») – термин, характеризующий то, что принципиально недоступно опытному познанию.

– Трудно сказать, – покачала головой богиня. – И кроме того, твои способности похожи на неограниченный алмаз. Ты многого не умеешь и еще меньше понимаешь.

– Что же делать? – прямо спросила Герда, зная, что Неистовая не стала бы об этом говорить, если бы не знала, как ей помочь.

– Там, – указала богиня рукой, – под фреской, у самого пола есть тайник. Один камень выдвигается, если приложить к нему силу. Омой его огнем и откроешь тайник. В нем книга. Очень древняя книга на языке, которого сейчас почти никто не знает. Иди!

– Но как же я прочту книгу, если я не знаю этого языка?

– Не знаю, – снова покачала головой богиня. – Знаю только, что книга должна принадлежать тебе. Остальное станет понятно тогда, когда придет время. Прощай!

Богиня исчезла. Исчезли и подношения, приготовленные для нее Гердой. Алтарный камень был пуст. На нем не осталось ничего, даже следов крови принесенной в жертву косули...

Герда добралась до лагеря только на рассвете. Шла, покачиваясь от усталости, спотыкаясь, едва не падая от охватившей ее слабости. Но книгу не потеряла, донесла, сунула в седельную суму и только тогда повернулась к наемнику, находившемуся в этот час на страже:

– Скажешь всем, я объявила дневку. Разбудите только, когда будет горячая еда. В остальное время не мешать!

* * *

Такое с ней уже бывало: слабость, апатия, отрешенность. Но на этот раз, как ни странно, аппетит не пропал, а долгий глубокий сон пошел ей на пользу. Казалось, она только ест и спит, но так только казалось. Силы возвращались, и к вечеру того дня в голове прояснилось достаточно, чтобы услышать «зов» и принять правильное решение.

– Завтра с утра выходим в дорогу, – сказала она своим людям. – Мы возвращаемся к двуглавой горе. Помните ее?

– Так точно, госпожа! – отрапортовал Гуго.

– Но мы будем возвращаться не по своим следам, а по той долине, которая начинается от красной скалы. Это ниже по течению Белогривой. Где-то в сутках пути отсюда. Я сейчас не в лучшем состоянии, но это пройдет. Главное, не пропустите скалу. Она похожа на язык пламени. Там нам надо свернуть. Долина выведет нас к Двуглавой. Все ясно?

– Так точно, госпожа!

– Тогда я пошла спать.

Новый маршрут она увидела во сне так ясно, словно уже прошла те места не раз и не два. Увидела, рассмотрела, запомнила, но не поняла смысла увиденного до тех пор, пока не «услышала призыв». Однако, проснувшись и «почувствовав» сердцем знакомый зов, догадалась, что скала, похожая на язык пламени, приснилась ей неслучайно. Это Темная богиня указывала новый маршрут, и значит, надо было идти туда, куда сказано.

– Неистовая плохого не пожелает! – усмехнулась, глядя на нее Другая Она.

Наемники приняли приказ Герды к исполнению, чем, собственно, и хороша клятва на крови, что голос крови ничем не заглушить, и следующим утром маленький отряд вышел в дорогу. Долина Белогривой проходима по обоим берегам реки, но левый, представлявший собой луг, плавно поднимающийся к подошвам высоких скалистых сопков, был наиболее удобен. Редкие камни и одинокие деревья, пятна кустарника, мелкие ручьи, сбегаящие к реке. Здесь можно было двигаться верхом, а это и быстрее, и удобнее. В особенности для Герды, которой сейчас идти пешком было бы не с руки. А так она сидела в седле, вялая и, казалось, отрешенная от всего, что происходит вокруг, иногда задремывала на ходу, в другое время бодрствовала, едва ли не грезя наяву. Но как бы ни была она захвачена «откатом», который,

судя по ее собственному опыту, всегда наступает после общения с божеством, увидев красную скалу, она восторгалась и первой указала на нее своим спутникам.

Вообще, скалы в долине Белогривой поражали своей красотой и необычными сочетаниями цветов. Встречались зеленые, желтые и оранжевые породы, но такого сочного цвета, как здесь, путешественники еще ни разу не видели. Скала и в самом деле формой напоминала взметнувшийся к небу язык пламени и была окрашена едва ли не во все оттенки красного. Герде она настолько понравилась, что даже в голове вроде бы прояснилось.

– Отлично! – сказала она. – До темноты как раз успеем добраться до устья ущелья. Там есть ручей. Около него встанем на бивак.

И все. Сил хватило только на то, чтобы отдать приказ. Однако утром, съев миску густой ухи из форели и несколько кусков испеченного на углях речного угря, Герда почувствовала прилив сил и продержалась в тонусе почти до полудня. Потом ей, правда, снова стало плохо, но она по-прежнему держалась в седле и не задерживала свой отряд, поднимающийся вдоль довольно бурного ручья. К вечеру распад между скалистыми сопками, по которому они шли, окончательно превратился в темное горное ущелье с высокими крутыми стенами. Идти стало труднее, но пока Герда все еще могла сидеть на лошади. Тем не менее темнело здесь гораздо быстрее, чем в долине Белогривой, и вскоре Гуго объявил привал.

Так они двигались через систему горных ущелий еще два дня, пока не вышли туда, куда, собственно, Герда и вела свой отряд. Место было совершенно дикое. Каменные осыпи, обломки скал, колючий кустарник... Двигаться здесь с лошадьми было нелегко, но они все-таки прошли, тем более что к Герде наконец окончательно вернулись силы. Сознание очистилось, чутье обострилось, кровь быстрее побежала по жилам.

– Туда! – скомандовала она, узнав виденный во сне пейзаж.

И вскоре отряд оказался на берегу небольшого озерца, образовавшегося в узкой котловине, куда стекала вода из многочисленных довольно активных ключей. Ручей, вдоль которого Герда с наемниками шла все эти дни, вытекал как раз из этого озера. Но ее интересовали сейчас не ручей и не озеро, а многочисленные пещеры, которыми оказался усеян крутой склон горы. Накануне Герда видела эти скалы во сне, и сейчас в свете угасающего вечера она ясно рассмотрела вход в ту пещеру, которую показала ей Неистовая богиня.

«Здесь!»

У Герды не было и капли сомнения, что Темная богиня привела ее сюда не случайно, а с определенной целью, и даже догадывалась, какова может быть эта цель. И это окончательно разрешило ее сомнения относительно того, что и как ей теперь делать. Приказав встать лагерем, Герда взяла свою дорожную сумку и, отойдя чуть в сторону, за камни, закрывавшие ее от взглядов устраивавшихся на ночлег наемников, развела костер. Сухих веток вокруг было полно, а огонь она вызывала теперь с необыкновенной легкостью, словно он только того и ждал, чтобы Герда поманила его пальцем.

В следующие полчаса она приготовила все необходимые ингредиенты и провела ритуал «Полного подчинения». Поскольку наемники уже принесли ей клятву на крови и в распоряжении Герды находилась копия договора, на которой каждый участник экспедиции оставил кровавый отпечаток своего пальца, концовкой колдовского ритуала стало сожжение пергамента. Как только догорел последний фрагмент договора, заклинание, построенное Гердой, обрело силу. Поэтому, выйдя из-за камней к общему костру, Герда первым делом попросила общего внимания, а затем озвучила новые правила игры.

– Мы на месте, – сказала она. – Теперь вы беспрекословно выполните все мои приказы. Подчинение будет полным, и у вас не возникнет даже мысли ослушаться меня или ограбить. Когда мы вернемся в Арону, вы поможете доставить груз туда, куда я укажу, получите расчет, уйдете и сразу же забудете и обо мне, и о том грузе, который вы доставили. Клянись!

– Клянусь! – ни на мгновение не усомнившись в праве Герды отдавать подобного рода приказы, ответил Гуго, и вслед за ним слово, запирающее замок заклинания, произнесли и все остальные наемники.

Дело было сделано. Теперь, правда, Герде придется расплачиваться за это древнее запретное заклинание болью во всех костях, но оно того стоило, а терпеть боль Герда научилась еще в Коллегиуме.

* * *

Следующим утром в сопровождении нескольких наемников Герда отправилась осматривать «ту самую» пещеру. Зажгли факелы, протиснулись через заваленный камнями вход и оказались в небольшом зале, из которого дальше в глубь горы вел узкий проход. Узость его была, впрочем, относительной. На поверку, через него даже протискиваться не пришлось: ширины для человека нормальной комплекции вполне хватало. А за этим коротким тоннелем обнаружилась новая пещера, чуть более просторный зал, чем тот, который они уже прошли. Даже беглый осмотр показывал, что в пещере этой давным-давно не ступала нога человека. Неистовая, пришедшая к Герде прошлой ночью, сказала совершенно определенно:

– Большие трехсот лет, – сказала Темная богиня. – Столько времени прошло с тех пор, как здесь в последний раз побывали люди. Слишком далеко от караванных путей, от торных дорог и пастушьих троп, от любого жилья и уж тем более от городов. Так что можешь не сомневаться, все это твое. Те, кто оставил здесь сокровища, к тебе за ними не придут.

По-видимому, так и обстояли дела. Ничего не указывало на присутствие здесь человека, но за теми камнями, которые показала ей Неистовая, действительно нашелся клад. Древние, обветшавшие и полуразвалившиеся сундуки, наполненные золотыми монетами и драгоценностями. Монеты были старинные, что подтверждало предположение о древности клада. Это были старые тилурские империалы. Таких уже давным-давно не было в хождении. Но уроки в школе Неофелис не пропали даром. Герда помнила, что империалы, которые чеканили в то время, были сопоставимы с современными золотыми флоринами, то есть имели вес в два золотника¹⁰, и монет этих здесь было столько, что ими удалось набить все десять бочонков для масла, которые Герда приказала взять с собой именно на такой случай. Впрочем, тогда она думала не о золотых империалах, а о самородках, но принцип тот же. Бочонок вмещал около ста пятидесяти фунтов золота, уплотненного ветошью. Так что на выючную лошадь приходилось по два таких бочонка или триста фунтов веса, что примерно соответствовало четверти от веса самой лошади и означало, что для нее это более чем щадящий груз¹¹. По самым скромным прикидкам, речь, таким образом, шла о сумме в двести тысяч золотых флоринов. Весьма прилично для «бедной сиротки». Но помимо денег в сундуках нашлись и разнообразные драгоценности. Работа, разумеется, несовременная, на любителя, но зато камни просто потрясающие, как по размеру, так и по чистоте: рубины, алмазы, изумруды и сапфиры, а еще кроваво-красные гранаты и шпинель, густо окрашенные аметисты и невероятной красоты золотистые топазы. Герда набрала их в свои седельные сумы, выдала каждому из наемников по пятьсот золотых сверх оговоренной суммы найма, и на этом разграбление древнего клада пришлось прекратить.

Жадность – порок, а им еще предстоял долгий путь через горы. Впрочем, с момента начала путешествия прошло чуть больше трех недель, так что Герда планировала уложиться в отведенные на этот квест полтора месяца.

¹⁰ Два золотника – примерно 2,5 грамма.

¹¹ 300 фунтов – это несколько меньше 130 килограммов. Между тем известно, что вес груза не должен превышать трети от веса лошади. Учитывая, что идти придется через горы, четверть представляется более подходящей нагрузкой.

Так, собственно, и получилось. Обратная дорога заняла четыре недели, – выючные лошади тормозили движение, – но зато прошла без эксцессов. Трудно и долго. Временами голодно и холодно. И кости у Герды зверски ломило не меньше десяти дней, но все когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это долгое путешествие.

Глава 2

Страница

1

Прибыв в Арону, – а Герда рассчитала так, чтобы появиться в городе около полудня, – она первым делом направилась в банк Союза Торговых Городов, называвшийся в просторечии просто «Торговым». Выбор именно этого банкирского дома диктовался двумя обстоятельствами. Во-первых, это был один из крупнейших, уважаемых и надежных банков в ойкумене человека. А во-вторых, он имел свои представительства во многих удаленных от Ароны городах, в том числе и в Новгороде Великом. Ну, а поскольку Герда собралась в Гардарику, имело смысл предусмотреть и этот вариант.

В банке ее приняли с настороженным интересом, хотя банкиров и смущал ее замызганный внешний вид. Однако, едва казначей взглянул на старое имперское золото и понял, о какой огромной сумме идет речь, Герда превратилась в «центр вселенной» и в «пуп земли». Бочки с золотом сгрузили в охраняемом внутреннем дворе и начали подсчет. Длилось это долго, но Герда справедливо полагала, что в таких делах спешить негоже, и просидела в банке до позднего вечера. В конце концов, хотя торговый день давно закончился, золото было официально принято банком, а Герда получила двадцать банковских обязательств – по десять тысяч на бумагу, на общую сумму в двести тысяч золотых гульденов и еще один на пять тысяч двойных золотых флоринов.

Время было позднее, поэтому из банка Герда направилась не домой, а в гостиницу «Петух и море». Наемников она распустила еще раньше, и они наверняка уже забыли о ее существовании, но Гуго перед этим доставил ее вещи – кроме драгоценностей, которые она предпочитала держать при себе, – на постоялый двор и предупредил, что госпожа ди Чента приедет позднее. Поэтому комната для Герды была уже приготовлена, как и несколько блюд, которые, как знала хозяйка, очень нравятся весьма щедрой постоялице. Соответственно, едва войдя в свою комнату и сбросив на пол тяжелые переметные сумы – сто тридцать фунтов¹² драгоценных камней и золотых украшений, – Герда уселась за стол. Угощали ее маленькими голубцами, в которых мясной фарш был завернут не в капусту, а в виноградные листья, уткой в меду и густым и крепким, чуть сладковатым красным вином. Кроме того, на столе Герду дожидались пришедшие за время ее отсутствия письма, но читать их она взялась, только погрузившись в горячую воду, налитую в большую деревянную бадью, служившую здесь ванной.

Первое письмо было от Шарлотты. Каро сообщала, что судьба ее решена: император признал ее принцессой крови без права наследования и отправляет в далекую Гардарику. Свадьба с великим князем Новгородским Дмитрием состоится в Новгороде Великом, но помолвка «по поручению» – князя представлял его младший сын Глеб – уже свершилась. Дмитрий, писала Шарлотта, немолод, болезнен и уже вторично вдов. У него есть четыре взрослых сына и две дочери, которые, верно, старше нее по возрасту. Но, с другой стороны, в Новгороде она станет женой правящего монарха и сможет, наконец, забрать к себе «милую Аниз»...

«Станет моей мачехой? – усмехнулась Герда, перечитав последний пассаж. – Неожиданно, но приемлемо! С такой "мамочкой" жить можно».

«Но... – вздохнула она, посмотрев на ситуацию с другой стороны, – девку конечно же жалко! Старый муж, никудышный муж...»

¹² 130 фунтов – примерно 60 килограммов.

Второе письмо было от Эмиля. Бедняга все еще не мог решить свои домашние дела, но опять обещал прислать со следующей оказией денег. Ничего нового в этом послании Герда не нашла. Впрочем, и не расстроилась. Де Вален свое счастье упустил, а Герда была уверена, что могла его осчастливить, и, соответственно, он стал ей совершенно неинтересен.

Третье письмо, вернее, краткая записка Герду удивила. Автор послания, некто мастер Бу Нурен, просил госпожу ди Чента назначить ему встречу в любом удобном для нее месте, но не тянуть с этим, так как у него для нее есть важное и крайне срочное сообщение. Сказать по правде, содержание записки Герду удивило и одновременно взволновало. Кроме Шарлотты и Эмиля, адрес этот она дала только князю Ивану, указав его в своем письме. Но, во-первых, она не ожидала от него такого скорого ответа, а во-вторых, настораживало то, что написал ей совершенно неизвестный Герде человек, даже не упомянув в записке, что имеет хоть какое-то отношение к князю Ивану, Новгороду или Гардарике. К записке прилагался адрес, и, решив, как ее и просили, «не тянуть», Герда запланировала поход на постоялый двор «Корабельный сбор» на завтра и только после посещения своего дома. Записка пролежала в гостинице уже десять дней, подождет и еще один...

* * *

На следующий день, с утра Герда позавтракала и, взяв карету, поехала домой. Переодевшись и спрятав драгоценности в тайнике, Герда проверила оружие – кинжал на поясе, засапожник в голенище левого сапога, наваха в потайном кармашке, – и, оседлав свою лошадку, отправилась по указанному в записке адресу. Приехала, оглядела солидное здание с большим подворьем, явно облюбованное купцами и негодьями средней руки, и, подзвав мальчика-посыльного из тех, кого в Ароне называют «побегущечными», спросила, как ей найти мастера Нурена. Впрочем, искать Нурена не пришлось – он по случаю отдыхал в своей комнате и не заставил себя ждать, тотчас спустившись в таверну, примыкавшую к «жилой части» постоялого двора. Это оказался рослый и широкоплечий льняной блондин с узким, каким-то хищным лицом и острым взглядом чуть прищуренных серо-стальных глаз. Оглядев зал, он сразу же выделил Герду, заказавшую себе зеленый чай с медом, и подошел к ней.

– Я Бу Нурен, госпожа, – сказал он низким голосом. – А вы?

– Я Герда ди Чента, сударь, – представилась Герда. – Вы хотели меня видеть?

– Спасибо создателю, вы наконец здесь! – как-то слишком уж эмоционально для такого мужчины отреагировал на ее слова мастер Нурен и сел напротив Герды. – Я боялся, что вы не придете.

– Я здесь. – Что еще она могла сказать ему в такой странной ситуации, и незнакомец понял ее правильно.

– Прошу прощения, госпожа, – сказал он, выкладывая на стол перед Гердой лист писчей бумаги. – Вот послание, предназначенное вам. Оно написано моим почерком, поскольку получено голубиной эстафетой в зашифрованном виде.

Герда удивленно взглянула на Нурена, но все-таки подвинула послание к себе. Оно было кратким: «Счастлив. Жду».

– Это от князя Ивана Полоцкого, – прокомментировал письмо Нурен. – Я служу в новгородской торговой миссии, и мне поручено организовать ваш переезд в Новгород и сопровождать вас в пути.

«Как-то это неожиданно быстро, – удивилась Герда. – Приятно конечно же, но...»

– Мастер Нурен, вы чем-то встревожены? – Герда наконец поймала доминирующее настроение своего собеседника, и это ей не понравилось.

– Да, – кивнул он. – Поэтому, собственно, я и торопил вас. Дело в том, что депеша пришла одиннадцать дней назад. Кроме этого текста, она содержала приказ помогать вам, ваше имя и адрес.

– Так много всего на одной маленькой голубиной лапке? – улыбнулась Герда.

– Вы не поверите, госпожа, сколько всего на ней можно разместить, если делать это умеючи, – мужчина даже не улыбнулся.

«Серьезен, как каменная глыба!»

– Что же случилось?

– Мне знакомо ваше имя, госпожа. Более того, я знаю, какой титул вы носите на самом деле.

– Откуда? – насторожилась Герда, зная этого, кроме узкого круга лиц, не мог никто, и Бу Нурен в ее доверенный круг явно не входил.

– Пять недель назад в Скульде состоялась встреча короля Эринора и великого герцога Горандийского. Переговоры касались их взаимных интересов в королевстве Лассар, где по всем признакам назревает мятеж. Среди прочего, желая уязвить короля Георга, герцог Константин упомянул, что не так давно даровал титул горандийской виконтессы принцессе Эринора герцогине Эван-Эрнхеймской, известной также под именем Герардины ди Чента.

«Вот же сука! – вскипела Герда. – Сдал меня с потрохами, подлец! Убью мерзавца, когда доберусь! Но и я хороша, – признала, наскоро обдумав ситуацию и придя к неутешительным выводам. – Доверилась говнюку! Да что ж мне так не везет с людьми?!»

– Спасибо, – сказала она, немного помолчав. – Не знаете случайно, кто и когда даровал мне герцогское достоинство?

– Титул вам, моя госпожа, никто не даровал. Это не нужно, поскольку он наследственный. Традицию создал еще прадед короля Георга, даровав его своей дочери и постановив, что он будет наследственным для старших дочерей, правящих в Эриноре монархов.

Этого Герда, разумеется, не знала. Впрочем, по большому счету титул этот ничего в ее истории не менял. Пожалуй, на данный момент он скорее даже усложнял Герде жизнь.

– По-видимому, мне придется ускорить отъезд, – озвучила она пришедшую ей в голову мысль.

– Именно! – кивнул Нурен. – Агенты Георга вас уже разыскивают. На ваше счастье, госпожа, они отчего-то решили, что вы прячетесь в империи. Но, боюсь, долго их заблуждение не продлится.

Про империю Герда поняла. Поняла и другое: как только станет известно, что ее вышвырнули с флагманского корабля эскадры генерала-адмирала Мунка, искать ее начнут уже здесь, в Ароне.

– Каковы мои варианты?

– Зависит от того, умеете ли вы ездить верхом.

– То есть путешествие морем даже не рассматривается?

– Отчего же! – удивился мужчина. – Можно морем, на корабле. Только это будет долго и не слишком удобно. Со многими пересадками и ожиданием в портах...

– Я поняла, – кивнула Герда. – Корабля, идущего прямо в Новгород, сейчас здесь нет.

– Именно так, госпожа.

– Хорошо. Будем исходить из того, что я умею ездить верхом в мужском седле и уже пару раз путешествовала так через горы. Что из этого следует?

– О! – неожиданно восхитился Нурен. – Это все меняет! У меня есть отряд конгарских наемников – десять первоклассных головорезов. Есть подходящая девушка, которая сможет быть вашей служанкой. Плюс мой слуга и мы с вами. По два коня на каждого и, разумеется, сколько-то вьючных. Мы сможем двигаться очень быстро.

– Мне надо убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете.

«Что ж, если бежать, то хотя бы не головой в петлю».

– Разумеется, – мужчина достал из кармана и положил перед Гердой перстень с печаткой из черного обсидиана. – Этот перстень оставил мне князь Иван, когда уезжал из Эринора год назад. Он сказал тогда, что, возможно, он мне пригодится, и потребовал, чтобы я сделал все, чтобы помочь женщине, у которой есть печатка с тем же гербом, но вырезанным на изумруде. Я правильно понимаю, что у вас, госпожа, есть такой перстень?

– Да.

– Тогда... Может быть, я сразу приставлю к вам охрану? На сборы уйдет два-три дня, но это два-три дня, которые нужно еще пережить.

– Конгарцев?

– Вас в них что-то не устраивает?

– Только одно – они слишком приметные. Поэтому давайте, мастер Нурен, сделаем так. Вы сообщите мне, когда и где мы встречаемся, и я там буду. Адрес прежний, но обещаю вам, что буду наведываться туда каждый день...

– Умеете готовиться к долгим переходам?

– Пойдем через горы? – уточнила Герда.

– Да, – подтвердил Нурен. – Сначала пересечем горы. Это примерно три недели пути, поскольку пойдем с юго-востока на северо-запад. Притом уже осень. В горах будет холодно. Примите это к сведению. Затем... Когда пересечем Хаарнах, спустимся с гор и пойдем через степь и пустыню. Это в лучшем случае две недели. Потом на гребных барках вверх по реке. Но это уже цивилизованные края, и слово князя Полоцкого там кое-что значит. И наконец, пойдем через леса, но это уже зимой, и мы сможем передвигаться по льду замерзших рек. Все про все должно занять около трех месяцев.

– И корабль доплывает за три месяца, – напомнила Герда.

– Но у нас нет такого корабля, – пожал плечами Нурен. – А с перекладными возьмет где-то около полугода. Да и преследователям будет намного легче обнаружить вас на корабле.

– Понятно, – кивнула Герда. – Сколько груза я могу взять?

– Умеете собирать вьюки?

– Умею.

– Рассчитывайте на двух лошадей. Но давайте лошадей я подберу вам сам. Я знаю, какие нам нужны, и знаю, где их взять.

– Уговорили, – согласилась Герда. Было очевидно, что человек этот знает, о чем говорит.

– Оружие и снаряжение у вас, как я понимаю, свое?

– Вы правильно понимаете, – подтвердила Герда.

– Хорошо, – не стал спорить мужчина. – Загляните по известному вам адресу завтра перед закатом. Я буду уже точно знать, где и когда...

* * *

То, что это случилось с ней снова, уже не удивляло и уж, тем более, не вгоняло Герду в уныние. По большому счету ничего нового. Всего лишь очередной крутой поворот. Не первый в ее короткой жизни и, похоже, не последний. Тем более что на этот раз она сама накликала беду. Очень уж ей захотелось побыть принцессой. Вот и оплошала, не продумав все ходы наперед. Титул есть, а головы как не было, так и нет. Однако времени на слезы раскаяния у нее попросту не оставалось, и раз уж влипла в историю, приходилось сучить лапками, чтобы сбить из молока масло.

Герда позволила себе буквально пару минут слабости, но быстро взяла себя в руки и начала действовать. Пропадать она не собиралась. Сдаваться без боя, впрочем, тоже. Уцелела раньше, выживет, даст бог, и теперь. Но для того, чтобы не опоздать, в данный момент ей при-

ходило в буквальном смысле поспешать бегом. Время, к счастью, было подходящее: солнце едва перевалило за полдень, и до закрытия лавок Герда успела купить практически все, что ей было нужно. Соответственно вечером она занялась сборами, отбирая в дорогу только то, без чего не могла обойтись в предстоящем ей долгом и трудном путешествии.

Прежде всего, она отложила два комплекта несколько видоизмененного под ее нужды сверского «ночного наряда». Платья, пусть даже укороченные, Герда превратила в не слишком длинные туники с разрезами «на подоле» и везде, где можно, заменила шерсть на кожу. Однако в коже зимой холодно, поэтому нужна поддевка – и вот эти штаны и рубашка были уже сшиты из тонкой шерстяной ткани. меховая куртка-душегрейка, меховые чулки для поддевки в сапоги и шелковое белье, перчатки, шерстяная маска для лица, длинный шарф и кожаный плащ с меховым подбоем, капюшоном, прорезями для рук и стальными застежками-цепочками на груди. Еще ей нужны были запасные сапоги, шерстяные носки и шелковые чулки, одно платье, хотя лучше два, платок на голову и два шерстяных одеяла. Остальное: фляги, котелок, стальные шампуры и прочая мелкая лагерная утварь, несессер с гребнями, зеркалом и прочей чепухой, набор лекарств и редких зелий и, наконец, оружие. Трудно сказать, к чему она готовилась, но практически все, включая отличное седло, кончар¹³, кинжалы и абордажный меч, Герда держала дома на всякий случай. И теперь, когда этот случай настал, ей оставалось лишь отобрать нужное, добавив кожаные наручи, наплечники, нагрудник и небольшой стальной шлем, прикрывающий только затылок и темя, а больше при хорошем темпе боя ничего и не нужно. Закончив с этим, Герда приступила ко второй части сборов в долгое путешествие на север. Она достала специально на такой случай сшитый из льняной ткани широкий пояс – от груди до бедер – с удобными карманами-клапанами, в которые сложила тщательно завернутые в водонепроницаемую вощеную ткань свои документы, кроме подорожной, и банковские обязательства, кроме одного на пять тысяч двойных флоринов. Карманы были распределены по всей длине пояса – два на животе, по одному по бокам и два на спине по обе стороны от позвоночника, – туда, на спину и на бока и отправились все бумаги. В передние карманы Герда положила кое-что другое. Она быстро, но тщательно перебрала доставшиеся ей по случаю имперские драгоценности и разделила их на три части. Примерно половину она собиралась оставить на хранение в банкирском доме «Объединенный капитал», где у нее уже был свой сундучок. Из части остальных украшений она вытащила камни – два десятка крупных алмазов, рубинов и изумрудов – и, упаковав их в кожаные мешочки, спрятала вместе с двумя десятками золотых гульденов в свой матерчатый пояс. Остальные свои драгоценности, из тех, что она собиралась взять с собой в Гардарику, Герда упаковала в удобный кожаный несессер, который должен был заменить ей шкатулку, и поместила в переметную суму.

На следующий день Герда навестила тетюшек, поставив их в известность, что уезжает, зашла в банк, чтобы уладить финансовые дела и положить драгоценности и два векселя на сорок тысяч золотом в свой оплаченный на десять лет вперед сундучок, продала лошадку и вернула хозяйке дом, не забыв, разумеется, расплатиться со служанкой. Книги и кое-что из имущества и украшений оставила на хранение Белоне и в назначенный час зашла в «Петух и море».

Здесь ее ждала записка от Нурена. Он сообщал, что, если она готова, то они могут забрать ее прямо из этой гостиницы послезавтра на рассвете. Это Герду вполне устраивало, поэтому, заехав на арендованной карете в «Корабельный сбор» и оставив новгородскому шпиону – а то, что Нурен шпион, у Герды даже вопросов не вызывало – записку с согласием следовать его плану, она заехала в дом, в котором прожила, возможно, лучший в ее жизни период времени, забрала приготовленные выюки, дорожный кожаный мешок и две седельные сумы и вернулась

¹³ Кончар – меч с прямым, длинным (до 1,5 метра) и узким трёх-или четырёхгранным клинком, которым можно действовать, как копьем прямо из седла.

в «Петух и море». Там она, не откладывая, написала письма Шарлотте – доброе и с надеждой на будущую встречу – и де Валену, с которым теперь окончательно распрощалась. Ни одной, ни другому она, разумеется, не сообщила ни того, почему вынуждена уехать из Ароны, ни того, куда направляет свои стопы.

Следующий день целиком принадлежал ей, и Герда провернула еще одно немаловажное дело. Она направилась в самый большой и известный в Ароне ювелирный дом Манера Арпайи и после короткого, но крайне убедительного диалога с главным приказчиком попала в кабинет самого хозяина. Там она высыпала на стол несколько обалдевшего от такой бесцеремонности старого ювелира предназначенные на продажу имперские украшения и объяснила, что желает обменять их на современные.

– Но сделку нужно совершить прямо сейчас, – твердо сказала Герда, увидев алчный блеск в глазах мастера Арпайи, – так как завтра я уже уезжаю.

Ювелир ее понял правильно и предложил ее вниманию все самое лучшее, что было у него сейчас в лавке. Конечно, скорее всего, он Герду где-то обманул, но она решила об этом даже не думать, получив, в конце концов, три парюры¹⁴ – изумрудную, рубиновую и бриллиантовую, включавшие диадему, кольцо, серьги, большую брошь для украшения корсажа платья, браслет и кольцо каждая; два топазовых гарнитура – заколка для волос, ожерелье, перстень и серьги, золотистого и темно-синего цветов, и один малый сапфировый гарнитур – кольцо и серьги.

2

Нурен, как и обещал, приехал в «Петух и море» на рассвете. Он был один, но привел в поводу трех хороших лошадей. Помог Герде оседлать одну из них и навьючить двух других, скептически оглядел всадницу, одетую в скромное, но не без намека на аристократизм, дорожное платье и плащ из тонкой шерсти, но от комментариев воздержался. Помог подняться в седло, сел на коня сам и, взяв в повод вьючных лошадей, выехал за ворота гостиницы, показывая Герде дорогу. Единственный вопрос он задал, когда они уже ехали по северному предместью:

– Госпожа, вы собираетесь путешествовать в этом платье?

– Да, – спокойно ответила ему Герда. – До тех пор, пока мы не минуем густонаселенные края. Так я не выгляжу человеком, способным к быстрым маршам через горы. И кстати, мастер Нурен, отчего вы называете меня госпожой?

– «Госпожа» звучит, на мой взгляд, в достаточной степени уважительно, – объяснил шпион, – но в то же время не выдает окружающим ваш истинный статус.

«Мой статус, – покрутила мысленно головой Герда. – Бог мой! Принцесса и герцогиня! И за это, – добавила пару мгновений спустя, – дорогой ”папочка” мечтает открутить мне голову! Сука!»

Больше они не разговаривали. Ехали молча, и каждый думал о своем. Между тем выехали за городские ворота и поехали на север по Старой-Новой дороге через городские предместья, которые, впрочем, вскоре закончились, и по сторонам дороги стали появляться то рощи, то возделанные склоны холмов, то фруктовые сады. Потом дорога свернула в Раздолье – долину Порожистой и пошла вдоль реки. Вот здесь, всего в миле от поворота, в маленькой придорожной корчме их и ждали все остальные спутники.

Въехали во двор, спешили. Нурен привязал лошадей к коновязи и предложил Герде войти в дом. Там, в общем зале за столами, заставленными блюдами и кувшинами, сидели

¹⁴ Парюра (ювелирный гарнитур) в широком смысле подразумевает широкий набор украшений – диадему, тиару, гребень, бандо (драгоценную ленту для волос), кольцо, ожерелье, серьги, броши, большую брошь для украшения корсажа платья, браслеты и кольца.

только наемники, да еще молодая женщина и парнишка лет шестнадцати – по-видимому, весь состав их небольшого отряда. При появлении Нурена и Герды люди начали вставать. Юэль Брух тоже встал, но ни взглядом, ни жестом не показал, что уже знаком с той, кого ему придется сопровождать. Промолчала и Тильда – женщина, покинувшая школу «Неофелис» через месяц после того, как туда поступила Герда. Скорее всего, это было связано с правилами найма: никогда и нигде не говорить лишнего. Впрочем, могла быть и другая причина. Поэтому, откидывая капюшон плаща, Герда сложила пальцы в известный наемникам жест «*Все ли в порядке?*». Незнакомые с ней наемники этому сильно удивились, но показали свое удивление одним лишь движением глаз. А вот Тильда ответила, сложив пальцы левой руки в знак «*Ответ положительный*».

– Вот, госпожа, – между тем повернулся к ней мастер Нурен, – это весь наш отряд. Разрешите, я вас представлю?

– Представляйте, – пожала плечами Герда.

– Итак, знакомьтесь, – повернулся Нурен к своим людям, – это виконтесса Герда ди Чента, и мы должны доставить ее в Новгород Великий в целости и сохранности. Имя ее в дороге лучше не упоминать. Обращаться к ней следует, используя слово «госпожа», а имя ей мы сейчас придумаем.

– Не ломайте себе голову, мастер Нурен, – усмехнулась Герда. – У меня уже есть имя, как раз на такой случай. Помнишь, Юэль, Аниз де Фиен? – подмигнула она наемнику. – Рада тебя видеть, старшина! И тебя, Тильда, тоже. Для всех остальных объясняю. Обузой в пути не буду. Не так давно, вот Юэль не даст соврать, я, как и вы, была наемницей.

Ее заявление вызвало общее оживление, а Нурен только головой покачал.

– В жизни бы не поверил, – признался он.

– Я и сама себе порой не верю, – улыбнулась Герда и пошла знакомиться с теми, кого не знала, и здороваться с Юэлем и Тильдой.

* * *

В путь выдвинулись уже через час и пошли скорым маршем. Дневная остановка – всего на час, только перекусить да оправиться. Ржаная или овсяная лепешка, кусок творожного сыра или копченой колбасы и с десяток глотков разбавленного водой вина. В остальное время непрерывное движение, и так от рассвета и до сумерек. В день проходили тридцать – тридцать пять миль, могли бы и больше, но задерживали вяучные лошади, без которых тоже нельзя. Ночевали когда где. Если получалось, то на постоялом дворе, нет – разбивали лагерь. В гостиницах, конечно, было лучше. Какая-никакая, а все-таки нормальная кухня – то потаж¹⁵ сварят, то свинину на углях запекут, а на биваке одна каша с салом да овсяные лепешки с копченым мясом. Герда не жаловалась, ей в жизни всякое приходилось есть. А уж в таком походе тем более. Когда бежишь – и не важно, к кому или от кого, – многое выглядит совсем не так, как прежде. А она бежала, и это стоило иметь в виду.

Двигались так быстро, как могли, тем более что местность, погода и качество дороги позволяли проходить за световой день довольно приличные расстояния. При этом все были настороже, так как Нурен опасался засад, но первое нападение случилось лишь на пятый день пути и не из засады. Как королевским убийцам удалось взять их след и даже опередить на дороге, они так и не узнали, но это именно то, что с ними произошло.

Таверна, в которой остановились на ночлег, выглядела довольно опрятно, да и запахи, доносившиеся с кухни, отнюдь не раздражали обоняния. Им предложили равиоли с говядиной в овощном бульоне, жареную свинину, приличного качества пшеничный хлеб, моченые яблоки

¹⁵ Потаж – густая похлебка с мясом и овощами.

и квашеную капусту. Герда, проголодавшаяся в дороге, как волк в зимнюю бескормицу, ела все подряд, запивая все это кислым красным вином. Воды, как обычно, в таверне не оказалось, а чай здесь не заваривали, видно, из принципа. И вот, покончив с куском хорошо прожаренной свинины, Герда подвинула к себе кружку, только что наполненную по новой расторопной служанкой, и хотела было сделать глоток, когда перед ней возникла Другая Она и укоризненно покачала головой.

– *А смотреть, что пьешь, кто за тебя будет?* – спросила Другая Герда, и картинка сложилась.

Бегающий взгляд хозяина таверны, вороватые движения служанки и, наконец, вино. Это вино явно было из другой бочки, не из той, из которой пили прежде. И еще одно «но» – фруктовый запах. Слабый, едва уловимый на фоне сильного винного духа, но, тем не менее, вполне реальный.

«Черемика? Ох! – похолодела Герда. – Как же я так?..»

Своей беспечностью она едва не погубила и себя, и людей, взявшихся ей помогать. Хорошо хоть Другая Она был начеку и обратила ее внимание на яд в вине.

– *Спасибо!* – справившись с растерянностью, поблагодарила она Другую Себя.

– *Дура!* – покачала головой Другая Герда. – *Помрешь ты, я тоже ноги протяну. Что делать будешь?*

«Что делать?» – Герда задумалась.

Яд черемики начинает действовать где-то через полчаса после приема. Сбивается дыхание, наступает общая слабость, начинают путаться мысли. На этом этапе, если организм сильный, отравленного еще можно спасти, заставив опорожнить желудок и напоив молоком. До необратимых изменений в этот момент остается не более часа. Значит, времени у нее в обрез, от полутора часов до часа, хотя наемники пока выглядят здоровыми, но иди знай, когда они начали пить отравленное вино!

– Мастер Нурен... – Герда пьяно улыбалась, но, обнимая новгородского шпиона, тихо сказала ему прямо в ухо: – Вино отравлено. Не пугайтесь. Ничего необратимого еще не произошло. Кабатчика я возьму сама. На вас служанки. И... дайте мне пару минут.

Она вскинула руки и замахала ими, привлекая внимание Юэля.

– Ю... эль! Юэль.

Ее пальцы стремительно сложились в жесты «Внимание», «Тревога», «Принимаю команду на себя». Боевой язык наемников скуден, но в нем есть все, что нужно для выживания.

Юэль засмеялся, незаметно транслируя команды тем, кто мог видеть его руки.

«Засада, – продолжила между тем Герда. – *Обыскать!*» – И движение кистью, указывающее на двери: на кухню, на улицу и внутрь дома.

«Вперед!»

Подтолкнув Нурена, Герда сорвалась с места, в три длинных прыжка достигла стойки, взлетела вверх и, опершись левой рукой о столешницу, перепрыгнула через прилавок к обалдевшему от такого зрелища и не успевшему среагировать кабатчику. Два удара сердца, и она уже стоит перед жирным ублюдком, упирая лезвие навахи ему под кадык.

– Только пикни, – прошипела она разозленной змеей, – и я тебя не убью. Я просто нашинкую твой член, зажарю с куриными яйцами и скормлю этот омлет тебе самому. Веришь?

– Д-да, г-госпожа, – от страха кабатчик начал заикаться, но дело было сделано.

Обе служанки без сознания лежали на полу. Куда бил их Нурен, Герда не видела, но результат ей понравился. А наемники в это время уже обыскивали дом и окрестности.

– Кто дал тебе яд?

– Я... я...

– Ты подал нам вино с ядом черемики. Будешь хорошо себя вести, мучить не стану. Перережу горло, и дело с концом. Но дай мне только повод разозлиться...

– Эт-тот человек... Он... Он в конюшне. Их там двое... – кабатчик мелко дрожал, по его лицу тек пот, мокрой от обильно выступившего пота была и его рубаша.

– Ты опоздал, – Герда услышала во дворе шум драки, сдавленные крики, звуки невнятной возни внутри дома. – Что-то еще?

– Они... о... ни...

– А если так? – Она проколола кожу на его горле и пустила кабатчику кровь.

Он дернулся от боли, захрипел, но она тут же ударила его другой рукой по губам.

– Ну?!

– В лесу. С лошадьми. – Создавалось впечатление, что от страха мужчина разучился говорить связно, произнося за раз одно, максимум – два слова.

– Сколько?

– Трое.

– Сколько в доме?

– Д... два... наверху.

– В конюшне?

– Двое.

– Есть еще?

– Нет.

– Ну, видишь, – ухмыльнулась Герда, – можешь, когда хочешь.

Хотела было врезать ему коленом по яйцам, но в тяжелой юбке сильно не разгуляешься, еще спасибо, что смогла перепрыгнуть через стойку. Пришлось бить кулаком. Можно было бы и куда-нибудь в другое место, но у нее от злости голова кружилась, и в висках стучала кровь. Врезала по яйцам. Кабатчик охнул, дернулся и, едва не насадив себя на нож, упал на колени, зажимая обеими руками причинное место.

– Злая вы, виконтесса, – усмехнулась, проходя мимо, Тильда, она тащила за ногу, как труп, одну из служанок, ту, что помоложе. – Не будете возражать, если я ее парням на потеху отдам?

Герда бросила взгляд. Подол платья и нижняя юбка задрались у женщины чуть ли не до горла, обнажив крепкие ноги и широкие бедра, между которыми курчавился темный лесок лобковых волос.

– Только чур, я тоже буду смотреть! – Герда вдруг остро захотела увидеть все, что случится, собственными глазами. Буквально все!

Темное, пряное желание, туманящее взгляд кровавой пленой, заставляющее сердце биться быстрее. И хотя сама она в свое время, в Венге, чуть не убила предводительницу разбойников как раз за это самое, за интерес к тому, что мужчины могут сотворить с несчастной женщиной, сейчас она посчитала ситуацию с моральной точки зрения вполне удовлетворительной. Ведь, не вмешайся в дело Другая Она, сейчас Герда была бы на полпути в могилу. Однако жить ей еще не надоело, и любой покусившийся на эту жизнь был достоин самой страшной кары. Наверное, и такой, как изнасилование. Воображение ее разыгралось, и Герда начала представлять себе всякие ужасы вперемешку с возбуждающими картинками грязного секса.

Впрочем, худшего, в результате все-таки не случилось. Вмешался Бу Нурен, и служанок просто придавили.

– Изнасилования и грабежи плохо сказываются на дисциплине бойцов, – коротко объяснил он ситуацию Герде. – Не обижайтесь, госпожа.

– Не обижаюсь. – Темное помутнение, как возникло, так и ушло, возбуждение спало, взгляд очистился.

– Сами допросите? – кивнула она на все еще корчащегося на полу кабатчика.

– Да, госпожа. Думаю, я справлюсь.

– Тогда за работу!

Герда взяла с полки большой кувшин и вышла во двор. Ручей, который она заметила еще раньше, протекал совсем рядом с домом. Герда умыла лицо, – время еще не вышло, хотя и следовало поспешить, – тщательно прополоскала кувшин, набрала воды и вернулась в дом. Там уже вовсю шло потрошение пленных. Наблюдать за допросом Герда, впрочем, не стала. Поставила кувшин на один из уцелевших столов, достала из кармашка на поясе нефритовую бутылочку с «Поцелуем ангела» – универсальным антидотом и самым сильным из противоядий, известным науке, – накапала с помощью золотого дозатора пять капель, досчитала до десяти и, сделав большой глоток прямо из кувшина, пошла обносить «живой водой» всех остальных. Допрос продлился часа полтора, но ничего толком не дал. Впрочем, Герда на многое и не рассчитывала. Покушались на нее не эринорцы, а всякий сброд, собранный анонимным нанимателем в Горанде, что называется, с бору по сосенке. Наемники, но не из тех, кого можно считать настоящими профессионалами, и люмпены – портовые бичи и городская бандитская мелюзга. Оттого, собственно, они и не решились на открытый бой, пусть даже из засады. Знали, что прямого столкновения с отрядом конгарских наемников не выдержат. Отравление в этом смысле представлялось убийцам лучшим решением. Вот, собственно, и все. Нанимал их некто, говоривший на горанде без акцента. Может быть, даже местный, кто-то, кого наняли для этого дела эринорцы. Он же дал бандитам яд и указал, какой дорогой идти, чтобы «забежать вперед». Так что ничего особенно ценного допрос не дал, но заставил задуматься. Расчет времени показывал, что впереди может оказаться еще одна засада, и совершенно определенно, кто-то мог идти по их следу.

– Пойдем быстрее, – сказал Нурен после краткого обсуждения.

– Двое в дозор, – предложил Юэль, – двое в арьергард.

– Согласен, – поддержал идею новгородский шпион. – Выходим перед первым светом.

Всех захваченных в плен бандитов – и кабатчика заодно – наемники закололи, разбросав убитых так, словно здесь был настоящий бой. Прихватили немного еды впрок, подожгли таверну и ушли, как и планировали, перед рассветом. Герда на этом этапе решила, что время маскироваться прошло, переделась в свой дорожный костюм, вытащила из тюков оружие и теперь мало чем отличалась от других наемников.

* * *

Следующие пять дней прошли относительно спокойно. Отряд двигался с максимальной возможной скоростью, но чем выше они поднимались в горы, тем тяжелее становилась дорога. К тому же испортилась погода. Прогремела гроза, пролился ливень и, наконец, зарядил долгий унылый дождь. Свернув с главной дороги, чтобы спутать след, отряд Нурена шел какими-то узкими тропами, а то и вовсе по бездорожью. Темп движения резко упал, но отряд упорно продвигался вперед, и хотя Нурен и остальные знали уже, что Герда отнюдь не домашняя кошечка, все они нет-нет да поглядывали на нее с опаской: не выбилась ли дамочка случайно из сил, не захворала ли, или еще что. Спокойными оставались только Юэль и Тильда. Эти двое точно знали, чего от Герды можно ожидать и чего от нее ожидать не следует.

На пятый день к вечеру, перевалив через Узкое Седло, они спустились в Змеиную Узость – узкое ущелье, получившее свое название не от того, что в нем водились змеи, а из-за своей конфигурации. На протяжении полутора миль ущелье трижды меняло направление. К этому времени уже стемнело, и продолжать дорогу через заваленное битым камнем русло мелкой реки стало невозможно. Поэтому разбили бивак и в дорогу на следующий день вышли только тогда, когда достаточно рассвело.

Это был трудный участок пути, но зато после полудня они вышли в долину Белопенной, сократив свой маршрут на добрых шестьдесят миль.

Здесь, в долине, отряд Нурена снова вышел на тракт, и дело пошло веселее. Дорога стала лучше, тут и там на ней стали попадаться фермы, деревеньки и постоянные дворы. Изменилась и погода. Прекратился наконец дождь, но зато стало значительно холоднее. Впрочем, холод не помеха, а хорошая дорога и знание местности позволяли проходить до сорока миль в день, прихватывая и вечерние часы, когда двигаться приходилось с зажженными факелами.

На очередном привале – короткая дневная остановка, чтобы перекусить и оправиться – Герда ощутила далекий пока, но уже вполне отчетливый зов, а вечером, расположившись у костра на биваке в удобном гроте недалеко от тракта, она смогла определиться уже с расстоянием и направлением. Не могло быть сомнений, что она снова оказалась вблизи места силы, и Герда решила, что просто обязана там побывать. Слишком редкое это диво и слишком важное для ее дара, чтобы пропустить такую возможность.

– Мастер Нурен, – обратилась она к возглавлявшему их экспедицию новгородскому шпиону, – не спрашивайте, пожалуйста, зачем... Я все равно не смогу ответить. Но завтра нам надо будет свернуть с дороги. Я покажу где. Зайдем поглубже в лес, разобьем лагерь и встанем на дневку. Я должна кое-куда сходить.

– Одна... – остановила она попытавшегося было возразить мужчину. – Со мной пойдет Юэль. Этого достаточно.

Помолчали. Нурен явно обдумывал непростую ситуацию. Прямой приказ князя требовал от него не оставлять Герду без присмотра, но он уже понял, что Герда не та женщина, которая позволит собой руководить. Она соглашается с разумными доводами, но бессмысленное исполнение отвергает на корню.

– Хорошо, госпожа, – сказал он наконец вслух, – мы так и сделаем.

Так что на следующий день он уже не возражал, когда, заметив подходящий распадок, уходящий от дороги в нужном направлении, Герда увела отряд с тракта. Примерно в миле от поворота нашлось удобное место для дневки: склон скалистой сопки с приличных размеров пещерой у самой подошвы, ручей и просторная прогалина в сосновом лесу, позволявшая хорошо контролировать подходы к лагерю. Здесь Герда и Юэль оставили товарищей, а сами пошли в глубину распадка. И чем дальше они шли, тем отчетливее становился зов. Герда могла уже различить не только направление, откуда он приходил, но и тональность призыва.

– Ты ведь понимаешь, что здесь пахнет злом? – спросила, появляясь рядом с ней, Другая Она.

– Не дура, – коротко ответила Герда.

Призыв стал похож на голос Рока, и хотя Герда не могла разобрать отдельных «слов», общий смысл песни, звучавшей в горах не одно тысячелетие, до нее все-таки доходил. И это была отнюдь не веселая песня. Мрачная, безрадостная мелодия, суровые, гневные слова. По-видимому, что-то такое почувствовал и старшина. Повел плечами, как будто сбрасывал напряжение, бросил вопросительный взгляд на Герду.

– Все в порядке, – успокоила она его. – Ничего страшного с нами не случится.

На самом деле, уверенность ее была наигранная, знать наверняка, что там и как, она не могла. Могла надеяться на лучшее, этим и занималась.

Между тем они прошли довольно приличное расстояние – никак не меньше трех миль, поднялись на очередной склон и увидели, что у этой сопки не одна, а две вершины. Они стояли на первой, поросшей соснами и кедрами. Эти деревья и заслоняли от поднимавшихся на сопку людей вторую, более высокую вершину, на которой ничего не росло.

– Оставайся здесь, Юэль, – приказала Герда. – Туда я пойду одна.

Она сбросила с плеч дорожную сумку и пошла туда, куда вел ее зов.

На второй вершине, невидимое снизу, находилось языческое капище. И оно было совсем не похоже на святилище Черной луны. Это сооружение было куда древнее, на много веков старше, чем храм Неистойой.

Герда миновала тринадцать высоких ступеней, сложенных из огромных грубо обработанных каменных плит, и подошла к входу в храм, образованному двумя вертикально установленными менгирами¹⁶. Пройдя между ними, она оказалась в узком проходе, вырубленном прямо в скале, являвшейся, по-видимому, телом сопки, и оказалась на просторной круглой площадке, ограниченной тринадцатью установленными вертикально плитами-менгирами. Посередине круга стоял огромный дольмен¹⁷, внутри которого – под перекрытием – Герда рассмотрела жертвенный алтарь. Здесь, внутри ограды из каменных глыб, древняя песня звучала куда отчетливее, чем внизу, у основания сопки. Герда не знала, что это за язык, но она понимала, о чем поют камни. Это была и в самом деле крайне мрачная песня, хотя Герда и не взялась бы пересказывать ее своими словами. Но общий смысл улавливался без труда: это был гимн Смерти, Великой Повелительнице Пределов, Хозяйке Судеб, Властительнице Ночи.

Какое-то время Герда просто стояла там, где остановилась, не в силах идти дальше. Вообще, не способная сдвинуться с места, поднять руку, сказать слово. Но потом, сделав над собой невероятное усилие, от которого кровь застучала в висках и по лицу потекли слезы вперемешку с потом, все-таки пошла к алтарю. Шаг за шагом. Медленно. С трудом, словно преодолевая встречный ветер. Сколько времени шла, не запомнилось, но в какой-то момент Герда просто обнаружила себя стоящей на коленях у самого жертвенника. Она не помнила, с какой целью пришла сюда. Она просто чувствовала, что должна это сделать.

Запустив руку во внутренний карман плаща, она вынула подношение, которое приготовила минувшей ночью, завернув его в чистую тряпицу. Положив сверток на жертвенный камень, Герда развернула его. На белом батистовом платке лежала самая большая ее драгоценность – сапфировый гарнитур.

«Тебе!» – сказала мысленно Герда и склонилась в поклоне.

«Смелая девочка, – голос, раздавшийся в ушах Герды, был похож на слабый шелест ветра, но она отчетливо слышала каждое слово. – Умная. Щедрая».

Герда не знала, что на это сказать и надо ли вообще отвечать на эти слова.

«Сильная, – шепнул тот же голос. – Неистовая входила в тебя четыре раза, и ты все еще жива».

Повисла тишина, но Герда чувствовала, разговор не окончен.

«В тебе слишком мало зла, – сказала богиня. – Мягкая, добрая... Грозисься, но не убиваешь. Твоя месть спит, твой гнев не пылает, а тлеет, а жалость – пристанище слабых».

И снова тишина.

«Хорошее подношение, – наконец заговорила богиня, измучив Герду долгим ожиданием. – Не поскупилась. Возьми и мой дар. Твой нож!»

«Нож?» – Герда удивилась, но слово богини закон, тем более слово такой грозной богини, как та, которой было посвящено это капище. Безымянная, она знала все имена и все дороги.

Вопрос, откуда Герда все это узнала, возник позже, а тогда, стоя на коленях перед алтарем, она просто знала и не нуждалась ни в каких объяснениях. Она достала свою наваху, раскрыла и положила на алтарный камень рядом с принесенными в жертву драгоценностями. Секунду-другую ничего не происходило, а потом сапфиры ярко вспыхнули и разом превратились в голубое сияние. Золото потекло, мягкое, как разогретый на огне воск, и на глазах Герды впиталось в рукоять навахи, словно вода в сухой песок. Тогда голубое сияние окутало клинок и буквально через несколько мгновений исчезло, поглощенное сизой сталью.

«Бери и уходи!»

¹⁶ Менгир – простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня или каменной глыбы, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные. Мегалиты – сооружения из огромных каменных глыб, характерные в основном для IV–III тыс. до н. э. в Европе, либо позднее в Азии и Африке.

¹⁷ Дольмены – древние погребальные и культовые сооружения, относящиеся к категории мегалитов. Название происходит от внешнего вида обычных для Европы конструкций – приподнятой на каменных опорах плиты, напоминающей стол.

Герда взяла нож, не слишком понимая, что делает и зачем, встала, выпрямляясь, и чуть было не упала. Ноги едва держали враз отяжелевшее тело. В мышцах слабость, в голове пустота, в ушах звон...

Она не помнила, как вернулась к Юэлю и что случилось потом, воспринимала в полсонания. Смутно вспоминалось, как он дотащил ее до бивака. И там, напившись вина и завернувшись в плащ и два одеяла, Герда легла поближе к огню, согрелась и, наконец, заснула сном без сновидений. Спала долго. Нурен, посоветовавшись с Юэлем и Тильдой, дал ей выспаться до первого света, но, проснувшись, она не смогла есть и весь день чувствовала себя обессиленной и разбитой. Почти не разговаривала, сидела нахохлившись на своей лошади, но из седла не выпадала, ехала со всеми. Днем на привале сжевала горсть черного изюма, запив его парой глотков вина, и до вечера, как сомнамбула, качалась в седле. Никто ее ни о чем не спрашивал, но все смотрели с подозрением, вот только ей на это было наплевать. Все стало вдруг безразлично, ко всему пропал интерес, но она безропотно двигалась с отрядом по горным дорогам, которые с каждым днем становились все хуже и хуже. Ехала, шла, ела и спала. Голова была пустой, и все вокруг представлялось серым и безжизненным.

Так прошло дней пять или шесть – Герда не считала, а потом... Она вынырнула из своего странного забытья сразу вдруг. Вздрыгнула, почувствовав на себе чужой взгляд, отклонилась назад, пропуская над собой летящую ей в грудь стрелу, и скатилась с лошади, упав в можжевельный куст. Вокруг, как гром среди ясного неба, разверзся ад. Ржали и крутились на месте зажатые в скальной узости лошади, кричали люди, звенела обнаженная сталь. Однако Герда, вылетевшая из седла несколькими мгновениями раньше, каким-то чудом оказалась вне боя, а еще через минуту и вовсе нашла себя за спинами нападавших. Судя по одежде и оружию, это было какое-то горное племя, и напали они с обычной для горцев целью – ограбить жителей низин. Но люди Нурена оказались трудной добычей, они умели воевать и дрались не на жизнь, а на смерть. Это была их работа. Этому их учили. Этим они занимались всю жизнь.

Понаблюдав за схваткой пару-другую мгновений и уяснив себе характер боя и расклад сил, Герда с трудом выпуталась из куста, сбросила мешавший двигаться плащ, прошмыгнула между большими валунами и, оказавшись за спиной одного из нападавших, ударила его засапожником под левую лопатку. Сделала она это, подчиняясь автоматизму отработанного приема, и даже не подумала о том, хватит ли у нее сил, чтобы убить одним ударом довольно крупного мужика. Сил хватило, роста – тоже. Горец рухнул как подкошенный, а Герда, успевшая вырвать кинжал, уже неслась к другому воину. Этот что-то почувствовал или, может быть, услышал и как раз разворачивался к ней, но попросту не успел, нож из ее рукава вылетел раньше. Кидала с левой руки, на бегу и не отдышавшись. Метила в грудь, попала в лицо. Куда-то в верхнюю часть бороды – в рот или подбородок, но главное, выиграла то самое мгновение, которого иногда не хватает, чтобы решить, кому жить, а кому умирать. На этот раз жить выпало ей: кинжал вспорол брюхо горца, а удар плечом в грудь опрокинул его на спину.

«Можно и в позе наездницы...» – но додумать Герда не успела, получив удар в бок.

К счастью, бил не мужчина, а женщина – какая-то горянка с занавешенным «салфеткой» лицом. Сила удара не та, да и женский сапожок не то же самое, что окованный железом сапог могучего воина. Тем не менее Герда от боли чуть не взвыла, упала на плечо, оставив засапожник в животе поверженного врага, и оказалась безоружная лицом к лицу со взбесившейся женщиной, чьего мужа или брата – ну, не отца же, в самом деле – она чуть было не оседлала. У горянки ятаган, и ударь она им вместо ноги, дело обернулось бы худо, а у Герды лишь ее короткая наваха и сломанные ребра. Тем не менее ей хватило самообладания, сил и ловкости, чтобы уклониться от первого удара, поднырнуть под второй, и в следующее мгновение ее нож вошел женщине в горло. И в этот момент с Гердой случилось странное. Она почувствовала жар, словно в лицо ей пахнуло из разверстой хлебной печи, и жар этот «омыл» ее всю, разом сжигая усталость, боль и растерянность.

Сердце ударило в грудь, кровь вскипела, и Герда почувствовала непреодолимую жажду убивать. Следующие полчаса она этим, собственно, и занималась. Сначала с ятаганом, потом с коротким копьем, которое достала из мертвой руки убитого ею воина, а потом с чьей-то саблей, которая была для нее тяжеловата, но в азарте боя Герда этого даже не заметила. Она металась между камней, атаковала, не задумываясь о силе противника, парировала удары, рычала и орала непристойности, падала и поднималась, и снова раз за разом вступала в бой. Кровь заливала ее с головы до ног, стекала по лицу, засыхала коркой на разбитых губах, но ей все было нипочем, и ничто, казалось, не сможет ее остановить.

А потом все неожиданно закончилось, и она нашла себя стоящей среди трупов и все еще живых, но агонизирующих врагов, с окровавленной саблей в одной руке и ятаганом в другой. В паре шагов от нее стоял согнувшийся вдвое Нурен, но он, похоже, не был ранен. Просто устал и пытался отдышаться.

– Живая? – окликнул ее Юэль. – Ну и горазда же ты драться, Аниз! Просто бешеная сука, не прими за оскорбление!

«Оскорбляться? – рассеянно подумала Герда, осматривая поле боя. – Еще не хватало!»

– Сам-то как? – спросила, выглядывая остальных участников экспедиции. Кто-то был на ногах, а кто-то, увы, нет. Слуга Нурена, например, и Карл Борг. А Тильда была ранена и пыталась зажать рукой рану на плече.

– Подранен слегка, – поморщился старшина, отвечая на вопрос Герды. – Стрелой, выbledки, в спину кинули. Ты, поди, тоже не без дырок. Вся в крови...

Но «дырок» на теле Герды не оказалось. Ребра были сломаны, ушибов столько, что и не сосчитать. Все тело, наверное, один большой синяк. И болело все тоже не по-детски, но при всем при том Герда ощущала удивительный подъем. Ее сердце ликовало. В душе праздник, и кровь несется по жилам, как вода в горной реке. Нашлись силы и Тильду подлатать, и Юэля, и других. Обработывала раны часа два, чистила, зашивала, перевязывала и только потом пошла к близкой реке, разделась догола, окунулась в ледяную воду, вынырнула, выдохнула со стоном и снова ушла под воду. Но, когда, обтершись наскоро запасным платьем – спасибо хоть лошади не разбежались, – переделась в чистое и, выпив яблочного бренди, которое до этого дня в рот ни разу не брала, села у наскоро разведенного костра, то едва ли не со звериным аппетитом сжевала краюху трофейного ржаного хлеба, приличный брусок козьего сыра с запашком и круг копченой колбасы, запивая все это простое, но сытное пиршество ягодным вином из захваченного у горцев бурдюка.

К этому времени ситуация уже прояснилась. Напали на них действительно горцы, и все, что характерно, полегли, хотя их и было вдвое больше. В основном мужчины, но среди них находилось и несколько женщин, которые дрались не менее отважно, но в силе и воинском искусстве значительно уступали своим мужчинам.

В отряде почти все были ранены и четверо убиты. Пострадали несколько лошадей и пропала часть груза. Нетерпеливые горцы, еще даже не победив, начали срезать с захваченных лошадей выюки, а когда ситуация переменилась, упустили добычу, частью уронив в пропасть, а частью в реку. К несчастью, в тех тюках, что попали в воду, лежали сухари, мешочки с кукурузной мукой и пшеничным зерном и прочая походная еда. Потери удалось частично возместить трофеями, но у горцев почти не оказалось муки и крупы, одни только мясо и сыр, да еще вот хлебные лепешки. А территория, по которой предстояло идти в ближайшие шесть-семь дней – высокогорные плато, охваченное ранней зимой, не сулила ничего хорошего: здесь практически не было человеческого жилья, и виды на охоту были весьма сомнительны. Зверья здесь сейчас было мало, зимняя бескормица.

Тем не менее раненые, замерзшие и голодные, они одолели эту часть пути и спустя восемь дней уже спускались в долину Мены, по ту сторону Высоких гор. Герда прошла весь маршрут то пешком, то на коне, не жалуясь и не стеля. На самом деле она, разумеется, делала и то, и дру-

гое, но только строго про себя. Желание сохранить перед окружающими образ бесстрашной и неутомимой воительницы оказалось сильнее жалости к себе и всех прочих глупостей. Однако, правду сказать, намерзлась она на горных тропах едва ли не на всю жизнь. Так ей, во всяком случае, казалось. Усталость и пустой желудок тоже не способствовали хорошему настроению.

Но было и кое-что еще, что приводило Герду в полную растерянность и заставляло страдать по-настоящему. С тех пор, как она посетила древний мегалитический храм перволюдей, ее магия исчезла, кажется, без следа. Сейчас Герда не смогла бы зажечь и самого слабенького светлячка. Все, что у нее осталось от прежнего могущества, это пара амулетов да немного экзотических зельев, сваренных ею в Ароне на пике своей силы. Не приходила к ней больше и Другая Герда, а Неистойой богини и след простыл, словно бы никогда рядом с Гердой ее и не было. Единственное, что вселяло в сердце Герды надежду, была ее наваха. Нож, получивший странное благословение Древней богини, придавал ей силы, когда их уже не было и в помине, согревал стылými ночами, отгонял страхи, сжигал робость.

И это не являлось плодом ее воображения. Так все и обстояло. Стоило Герде взять его в руку, как нож оживал, делясь с ней бодростью, силой и теплом, и кое-чем еще, о чем она точно не просила: гневом, темной страстью, мстительной злобой и неукротимым желанием убивать врагов...

2

То, что обстоятельства дважды заставили отряд сменить маршрут своего движения, в конце концов, сослужило им хорошую службу. Они спустились с гор гораздо восточнее того пункта, куда направлялись первоначально, и оказались в цветущей долине Мены. Середина осени в этих краях – это теплая пора. Летняя жара уже спала, а зимние холодные дожди еще не начались. Сбор урожая прошел совсем недавно, и цены на продукты упали до самого низкого уровня за сезон. Главная дорога – Хлебный тракт – шла здесь по левому гораздо более заселенному берегу реки. Просторная долина плавно стекала с юга на север, постепенно расширяясь по мере того, как многочисленные притоки превращали Мену в полноводную, а значит, и судоходную реку. Так что вскоре путешествие Герды вступило в новую фазу.

После лишений перехода через высокогорье отряд мастера Нурена путешествовал сейчас со всем возможным комфортом. Сначала они ехали по хорошей дороге, останавливаясь на ночлег в отличных гостиницах и на постоялых дворах, а потом купили места на большой речной барке и за три дня сплавились достаточно далеко на север, чтобы совершить оттуда пусть и тяжелый, но зато достаточно короткий переход степью к другой большой реке, которую Птолемей называл Даикс, а местные племена – Яиком.

Это был совсем не тот маршрут, который изначально запланировал новгородский шпион, но он, по словам Юэля, был даже лучше прежнего, поскольку позволял пройти большую часть пути по воде: сначала по Яику до Хазарского моря, потом вдоль морского побережья до устья Итиля, именуемого также Волгой, и затем вверх по течению этой великой реки до самых новгородских земель. Места там, по уверению мастера Нурена, большей частью обжитые – города и деревни стоят едва ли не каждые несколько миль, если не верст¹⁸. В общем, сытно, мирно и не утомительно, хотя и несколько дольше, чем по первоначальным планам.

Герда не возражала. Ей было все равно, как ехать, лишь бы уже как-нибудь приехать, – и она неукоснительно следовала указаниям мастера Нурена, в частности, рекомендовавшего дамам переодеться в платья в связи с патриархальными нравами местного населения. Поэтому, когда в Хазтаракани¹⁹ перед самой посадкой на струг их с Тильдой вознамерились похитить,

¹⁸ Миля равна примерно двум километрам, а верста всего лишь чуть-чуть больше километра.

¹⁹ Хазтаракань – реальное название Астрахани в средневековых летописях.

участвовавшие в набеге ногайцы посчитали их просто двумя «свободными, белыми» женщинами и, разумеется, сильно просчитались.

А дело было так. Вечеру Герда и Тильда вышли с подворья, где их отряд дожидался утра, когда можно будет грузиться на струг, и пошли по главной улице городка, присматриваясь от нечего делать к лавкам и торговым лабазам. Идут, разговаривают, смеются, и обеим невдомек, что в этих местах люди просто так по городу на лошадях не скачут. Оказалось, набег, что здесь иногда все еще случается, но местные-то, заслышав топот копыт, тут же рванули кто куда – лишь бы с дороги убратся да на глаза налетчикам не попасться... Но ни Герда, ни Тильда не были знакомы с местными реалиями, это их и подвело. Оглянуться не успели, а руки уже схвачены арканом в локтях и прижаты к телу, и кто-то подхватывает тебя на скаку и ловко взбрасывает перед собой поперек лошадиной спины.

В общем, Герда нападение prošляпила, отвлеклась, не сразу поняла, что за шум и отчего все вдруг начали кричать, и зачем кому-то нестись «аллюром три креста» по центральной улице тихого захолустного городка. А когда все-таки встрепенулась и сообразила, было уже поздно, и она, связанная, лежала поперек седла...

«...как какой-нибудь сраный мешок с зерном».

От обиды на то, какая же она дура, – раз за разом влипает во все мыслимые и немыслимые неприятности, – Герда аж зубами заскрежетала. Но обижалась она недолго. Гнев и злость, поднявшиеся в душе сразу за тем, сожгли все иные чувства, включая, естественно, и страх. А улица тем временем осталась позади, всадники проскочили распахнутые ворота в бревенчатом тыне, служившем городу стеной, и, прибавив коням прыти, помчались прочь.

«Сейчас!» – решила Герда, понимая, что еще немного и может стать поздно.

Из оружия у нее с собой были только наваха и метательный нож в рукаве. Правда, руки были прижаты к телу, но похититель не успел связать ее по-настоящему, и веревочная петля при движении лошади немного ослабла и, освободив локти, сдвинулась вверх. Герда повернула голову и взглянула на похитителя. Типичный степняк. В рукопашной схватке наверняка наверняка хорош, в джигитовке, скорее всего, тоже. Но он от нее никакого подвоха не ждет и о том, что она вооружена, не знает. К тому же он занят и на нее не смотрит.

«Тебе же хуже!» – Герда осторожно, но без промедления, вытряхнула в ладонь левой руки метательный нож, а пальцами правой руки вцепилась в край седла.

«Ну, с богом!»

Она уколола коня в шею. Тот испугался, заржал и вильнул в сторону. В то же мгновение, воспользовавшись инерцией, Герда вскинулась, ударив плечом всадника в грудь. Из седла, впрочем, не выбила – слишком хороший наездник, чтобы с ходу взять его на испуг, а сама, напротив, оказалась в неустойчивом положении, готовая слететь на землю. Однако ногаец рефлекторно выбросил руку, чтобы ее удержать, и Герда воспользовалась возможностью, развернув тело с опорой на руку мужчины, и всадила нож ему в горло. Удар смертельный, но смерть небыстрая, а конь мчится вперед, и Герде потребовались все ее силы, вся ловкость и вся чертова удача, чтобы, не упав под копыта мчащегося со всей дури коня, выбросить из седла своего похитителя, освободиться от аркана и, наконец, нормально сесть в седло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.